22 66.1(0)
2

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Карл Каутский.

ПУТЬ к ВЛАСТИ.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

под редакцией **Н. Л. Мещерякова.**

Издание второе, исправленное и дополненное по второму немецкому изданию.

Цена 15 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА — 1919.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Карл Каутский.

ПУТЬ к ВЛАСТИ.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
под редакцией **Н. Л. Мещерякова.**

Издание второе, исправленное и дополненное по второму немецкому изданию.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА — 1918.

Из Государственной типографии (бывш. Кушнерева). Пречистенская.
Москва — [illegible]

Ко второму русскому изданию.

Всего десять лет прошло со времени появления первого немецкого издания этой книги и девять лет с появления второго. Ничтожный срок при том темпе, каким развивалась докапиталистическая история человечества, очень небольшой для капиталистического периода, целая эпоха — для переживаемого нами периода крушения капитализма.

За последнее пятилетие человечество пережило великий геологический сдвиг и живет теперь в напряженном ожидании дальнейших сдвигов, надвигающихся с неотвратимостью геологических переворотов.

Двойственное впечатление производит в настоящее время «Путь к власти». С одной стороны, Каутский был одним из тех, кто ясно видел всю неизбежность и близость грядущего переворота, учитывал вытекающую из его приближения необходимость некоторых тактических изменений, отчасти предчувствовал условия, при которых будет протекать решительная и окончательная борьба.

Но, с другой стороны, когда переворот надвинулся вплотную, Каутский оказался одним из тех, которые не заметили его наступления и заняли по отношению к нему озлобленно-враждебную позицию.

«Путь к власти» стоит на границе двух эпох в истории человечества. Предвидением великих решающих битв проникнуты некоторые страницы. Робостью мысли, неспособностью отрешиться от старых путей, страхом революционного

разрыве с классовым сотрудничеством эпохи, давшим другие стремления.

Появление книги было своего рода событием. Она в новой и сжатой форме подводила итоги предшествующего развития и выясняла очередные задачи, выдвинутые этим развитием перед пролетарскими массами, перед всем человечеством.

В настоящее время многие места книги производят впечатление некоторой устарелости,—хотя в несравненно меньшей мере, чем сам современный Каутский, не оставшийся на границе двух исторических эпох, а передвинувшийся назад, к быстро изжитому прошлому.

С объективной точки зрения в теперешнем положении Каутского есть известный трагизм, обратный трагизму библейского Моисея. Сорок лет вел Моисей свой народ в обетованную землю, довел до ее преддверия,—но только затем, чтобы умереть, бросив на нее прощальный взгляд с горной вершины.

Почти сорок лет шел Каутский в передовых рядах той наступающей армии, которая среди величайших страданий, в постоянной борьбе, прокладывала путь к социалистическому перевороту. За последнюю четверть века он был признанным вождем этой армии. Но он вел ее только затем, чтобы, когда передовые отряды проложили себе путь в новый мир, а за ними начали следовать другие, заявить, что этот мир—не тот, в который он приглашал, и в который шла армия; и не тот он как раз потому, что армия, встретив иные, чем предусмотренные им условия, отбросила его географические карты и стратегические планы, и не в торжественном шествии, а в ожесточенной борьбе повела завоевание новой земли.

Необходимо впрочем отметить, что Каутский не даром стоял на границе двух эпох. Многое в его работах указывает, что он признавал вполне мыслимым тот путь, по которому фактически пошла пролетарская революция. Так, например, в первой же главе «Пути к власти» он иронизирует над товарищами, представляющими себе социальную революцию, к которой мы идем, в виде «совсем постепенного, едва

заметного, хотя в конечном счете и глубокого изменения общественных отношений».

В противоположность этому Каутский заявляет, что «социальная революция, к которой стремится пролетариат, не может быть проведена, *пока он не завоюет политической власти*» (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок). В этом, говорит Каутский, отличие социал-демократии от последователей Оуэна, Фурье и Прудона, которые, пренебрежительно относясь к политической борьбе, полагали, что экономическое преобразование общества может быть осуществлено чисто-экономическими мерами, без изменения и *без захвата государственной власти*.

Каутский делает и еще несколько шагов вперед в своих рассуждениях. Для него очевидно, что грядущая «революция возможна, только как *пролетарская* революция». И раз «только пролетариат остается революционным классом нации, то всякое крушение существующего строя, какой бы характер ни носило оно, означает банкротство всех буржуазных партий, которые все несут за него ответственность; и поэтому единственным режимом, который в таком случае может сменить существующий, является *пролетарский* режим» (подчеркнуто у Каутского).

Как будто этого все еще недостаточно, Каутский снова и снова обращается к тому воззрению, что пролетариат «достигнет политической власти» (т.-е. именно достигнет, а не завоюет ее) «без революции, т.-е. без значительного сдвига в соотношении политических сил,—просто мудрой тактикой совместного с пролетариатом действия буржуазных партий, близко стоящих к нему; вместе с ними он создаст коалиционное правительство, на что в отдельности не способна ни одна из участвующих в этом правительстве партий».

И, как будто бы перед нами был большевик, выступающий против теперешнего Каутского, автор не скупится на сарказмы по адресу этих реформистских воззрений. Он пишет: «Таким образом хотят обойти революцию, будто бы представляющую совершенно устарелое, варварское средство,

освободила меня от соображений об ограниченном месте в «Neue Zeit» и о рамках полемики. То, чего я только бегло мог коснуться в моей заключительной главе—современная ситуация и особенности ее задачи, все это я смог теперь разъять подробнее, и это стало главной темой настоящего сочинения. Из девяти глав только третья и четвертая, а также вторая половина второй представляют собой изложение ряда статей в «Neue Zeit», все остальное написано наново.

Все в целом представляет собой дополнение к опубликованной мной в 1902 году брошюре о социальной революции.

Так как следует ожидать, что полемика, породившая это произведение, почерпнет из нее новую пищу, я хочу здесь заявить, что за мои выводы, поскольку они не основываются на нашей программе и решениях наших партийных с'ездов, ответственна не моя партия, а только я лично.

Это разумеется само собой при всяком выпуске издания, которое не исходит официально от партии, но не излишне еще раз указать на это критикам и полемистам.

Карл Каутский.

---

1. Завоевание политической власти.

Друзья и недруги социал-демократии сходятся на том, что она партия революционная. Но представления о революции, к сожалению, весьма разнообразны, а потому далеко расходятся и взгляды на революционный характер нашей партии. Немало из ее противников хотят видеть в революции не что иное, как анархию, кровопролитие, грабежи и поджоги. С другой стороны, есть товарищи, которым надвигающаяся социальная революция представляется только, как весьма постепенное, едва заметное, хоть в конце-концов и глубокоядущее изменение общественных отношений, по образцу тех изменений, которые были вызваны паровой машиной.

Все же ясно, что социал-демократия, как защитница классовых интересов пролетариата, есть партия революционная. Ибо пролетариату в капиталистическом обществе невозможно добиться сносных условий существования. Ибо его освобождение требует уничтожения частной собственности на капиталистические средства производства и управления путем их обобществления и замены частно-хозяйственного производства общественным. Пролетариат может найти удовлетворение только в общественном строе, глубоко отличном от современного.

Но социал-демократия революционна еще и в другом смысле: она признает, что государственная власть есть орудие классового господства, более того—самое сильное его орудие, и что социальная революция, к которой стремится пролетариат, не может быть проведена, пока он не завоевал политической власти.

Этим убеждением, обоснованным в «Коммунистическом манифесте» Марксом и Энгельсом, социал-демократия отли-

которому нет места в наш просвещенный век демократии, этики и гуманности».

Кто бы подумал, что спустя десять лет Каутский в совершенстве усвоит этот реформистский язык по отношению к развертывающейся пролетарской революции и противопоставит «демократию, этику и гуманность» применяемым ею «устарелым и варварским средствам».

Но в той же первой главе Каутский оставляет себе лазейку,—одну из многих, которыми он может воспользоваться теперь, как в свое время был вынужден пользоваться в полемике с Паннекуком и в особенности с Розой Люксембург. По его словам, «классовая противоположность между пролетариатом и имущими классами настолько огромна, что пролетариат никогда не может господствовать в государстве вместе с каким-либо имущим классом. Имущий класс всегда будет и по своим интересам должен требовать, чтобы государственная власть попрежнему подавляла пролетариат. Напротив, пролетариат постоянно будет требовать от правительства, в котором участвует его собственная партия, чтобы государственная власть оказывала ему содействие в его борьбе против капитала. На этом должно потерпеть крушение всякое пролетарско-буржуазное правительство». Такой коалиционный режим, говорит дальше Каутский, «может только компрометировать пролетарскую партию, а пролетариат спутать и расколоть».

Эти слова написаны как будто против коалиционного правительства Шейдемана-Носке, которое как свирепо расправлялось с рабочим классом, и в котором тем не менее Каутский так долго принимал участие.

Но несколькими строками выше Каутский говорит, что он оспаривает только одно: что пролетарская партия вместе с буржуазными партиями могла бы «нормальным образом (in normaler Weise) составить правительство или правительственную партию», не впадая в неразрешимые противоречия, на которых она неизбежно потерпит крушение». Но даст ли теперешний Каутский такое истолкование своему

«нормальному образу», что все его ранее цитированные утверждения сделаются двусмысленными и даже совершенно бессодержательными?

Тем не менее первая глава заканчивается энергично: человечество быстро идет к революции, расстояние, отделяющее нас от нее, не приходится измерять десятилетиями, и революция эта может быть только пролетарской революцией. Он так далек от расслабленных реформистских иллюзий, которые всего ждут от развития демократии, что сочувственно напоминает, как Энгельс еще незадолго до своей смерти отстаивал диктатуру пролетариата, т.-е. его единовластие, «как единственную форму, в которой он может осуществлять политическую власть».

Много поучительного для теперешнего Каутского содержит и заключительная глава книги. Изучение отношений складывающихся в империалистскую эпоху капитализма (предпоследняя глава), привело его к убеждению, что как раз империалистская политика может послужить исходным пунктом, с которого начнется крушение существующего строя.

К этой мысли Каутский возвращается и в последней главе. «Мировая война надвигается угрожающе близко. Но опыт последних десятилетий показывает, что война знаменует и революцию, величайшие сдвиги политических сил».

И здесь Каутский помнит, что в настоящее время революция может быть только пролетарскою революцией. И, помня это, он совершенно естественно ставит вопрос: именно потому, что революция, толчком для которой послужит мировая война, не вытекала бы непосредственно из развития классовой борьбы, не достигнет ли пролетариат власти несколько преждевременно, т.-е. раньше, чем будет способен надлежащим образом ее использовать?

Каутский смело и решительно отвечает на этот вопрос. «В настоящее время пролетариат так окреп, что он с большим спокойствием (чем в 1891 году) может ожидать войны. И уже никак нельзя говорить о преждевременной (под-

черпнуто Каутским) революции, раз пролетариат, стоя на почве существующего государства, извлек из нее столько силы, сколько можно было из нее почерпнуть, и раз преобразование этой почвы сделалось условием его дальнейшего под'ема».

Но если социал-демократия отвергает почву существующего государства, то отсюда получается прямой тактический вывод: «чем более непоколебимой, последовательной, непримиримой остается социал-демократия, тем скорее восторжествует она над своими противниками».

«Заботливые друзья опасаются, как бы социал-демократия преждевременно, путем революции, не достигла государственной власти. Но если для нас и возможно преждевременное достижение государственной власти, то таковым является достижение видимости государственной власти до революции, т.-е. прежде чем пролетариат добьется действительной политической власти». Участие социал-демократии в коалиционных правительствах, в блоках с буржуазными партиями, давая простую видимость политической власти, было бы самоубийственной тактикой; оно было бы равносильно тому, что социал-демократия продает свою политическую силу буржуазному правительству.

Самое существо задачи, выступающей перед пролетариатом, исключает какие бы то ни было блоки и коалиции с буржуазными партиями. В эпоху «Коммунистического манифеста» ареной пролетарской революции была только Западная Европа. «В настоящее время битвы освободительной борьбы трудящегося и эксплуатируемого человечества разыгрываются не только на Шпрее и Сене, но и на Гудзоне и Миссисипи, на Неве и Дарданеллах, на Ганге и Гоанго. И колоссальна, как арена борьбы, та задача, которая в конце-концов вытекает из нее: общественная организация мирового хозяйства».

Все это для Каутского—не мечтания о неопределенном, более или менее далеком будущем: изучение новейшей эпохи капитализма, резюмирующееся в «Пути к власти»,

привело его к убеждению, что «современное состояние, которое быстро становится все более неустойчивым, не переживет теперешнего поколения».

На основании таких заявлений, Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Франц Меринг могли бы считать Каутского своим единомышленником; и, действительно, в свое время они ссылались на «Путь к власти», чтобы показать, что революционная последовательность и логика не на стороне Каутского, что в своих позднейших работах он явным образом изменил самому себе. Но здесь же следует признать, что этих последовательности и логики нет уже и в «Пути к власти».

Каутский превосходно выясняет тот тупик, в который зашел капитализм в его империалистской фазе, раскрывает полное банкротство всех буржуазных партий, убедительно показывает, что человечество идет к эпохе мировых революций, и что революции эти могут быть только пролетарскими. Не блоки, не коалиции с буржуазными партиями, а завоевание пролетариатом политической власти, не демократия, а единовластие пролетариата, не реформа, а переворот, не опасность переоценки своих сил пролетариатом, а несравненно более реальная опасность недооценки этих сил: все это очень ясно, казалось бы, совершенно недвусмысленно высказано в разных местах его книжки.

Однако эта определенность сменяется большой неопределенностью и расплывчатостью, если вдуматься в другие положения Каутского, вкрапленные в разных местах «Пути к власти». С одной стороны, Каутский как будто немало сказал в приведенных цитатах о темпе и формах развертывающейся классовой борьбы; но, с другой стороны, он тут же опасливо добавляет: «никогда еще предсказание форм и темпа предстоящего развития не было труднее, чем теперь, когда все принимаемые в расчет факторы, за исключением пролетариата, так неопределимы и непредусмотримы». Раз Каутский был убежден, что решительный поворот близок, что не успеет сойти со сцены еще одно поколение, как он уже наступит, ему, как вождю пролетарского Интернационала, нельзя было

отделываться такими пустыми фразами: ему следовало приступить к выяснению вероятных форм поворота, чтобы он не застал врасплох, как это случилось в действительности.

Каутский ясно показывает, каким образом все новейшее экономическое развитие приводит к возрастающей активности масс, к их непосредственным выступлениям, к тому, что и профессиональные союзы все решительнее бросаются в область политики. Массовая забастовка прочно присоединяется для него к числу тех средств, которые до того времени обычно применялись социал-демократией. Но «прямые действия» масс быстро превращаются у него в действия профессиональных союзов. Это уже само по себе означает полное подчинение этого средства самым реформистским из реформистских вожаков рабочего класса и ведет к тому, что революционное средство стало бы применяться только для разрешения самых узких задач, для мелкого штопанья капитализма, разваливающегося по всем швам.

Вожаки германских профессиональных союзов этим не удовлетворились. Они, насквозь пропитанные реформизмом, не видят неразрешимых задач для профессиональных союзов, границ возможным для них достижениям,[2]—и, следовательно, не видят необходимости в каком-то «прямом действии» масс, превращающем эти массы в активного носителя пролетарской политики. Вожаки профессиональных союзов выдвинули против Каутского тяжкое обвинение: он отрицает профессионалистскую организацию и профессионалистские методы.

И Каутский покорно склонился перед этим реформистским натиском. В предисловии ко второму изданию «Путь к власти» «массовое действие» окончательно утрачивает у него свой революционный характер и приобретает невинный вид простого противопоставления «дипломатии блоков» с «существующими буржуазными партиями».

Чувствуя, что Умбрейты и Легины могут этим все же не удовлетвориться, Каутский идет еще дальше. Он пишет: «Массовый характер и организация—вот оружие, которое соответствует экономическому положению пролетариата, и которым он только и может укрепить свою позицию и победить. Пролетарская массовая организация и действия масс, это означает организацию и действия профессиональных союзов («gewerkschaftliche Organisation und Aktion»,—все подчеркнуто у Каутского).

Теперь профессионалисты могли бы окончательно успокоиться. Нет никаких новых «путей к власти». То новое, что было как будто выдвинуто, совершенно подчиняется старому, надежному, не несущему ничего революционно-нового.

Но и это не все. Получили удовлетворение вожаки профессиональных союзов,—должны получить удовлетворение и парламентарии. Действия масс должны превратиться в расширение деятельности профессиональных союзов, в их «прямое действие», употребляя выражение синдикалистов. Что касается «прямого действия» профессиональных союзов, то оно для Каутского в свою очередь «может служить только дополнением и усилением, но не заменой парламентской деятельности рабочей партии». Через два года, в полемике с Розой Люксембург и Паннекуком, Каутский еще прямее заявил, что действия масс могут играть лишь служебную роль по отношению к деятельности в парламенте.

«Великие битвы», «решающие сражения», к которым, как убедился Каутский на основании изучения современной фазы капитализма, идет человечество, по внимательном рассмотрении превращаются у него в преобладающе-парламентские битвы, а «прямые действия масс» становятся по существу стратегическими диверсиями, которые в некоторых случаях призываются на помощь парламентским представительством рабочего класса.

Каутский убедительно говорит об экономическом и политическом банкротстве всех буржуазных классов и партий, о завоевании политической власти, перед необходимостью которого все новейшее развитие ставит пролетариат, осеняют господ, которые «в наш просвещенный век демократии, этики и гуманности», отвергают революцию, как совершенно «устарелый, варварский способ». Но, предвидя грядущие ве-

Предисловие автора.

освободила меня от соображений об ограниченном месте в «Neue Zeit» и о рамках полемики. То, чего я только бегло мог коснуться в моей заключительной главе—современная ситуация и особенности ее задачи, все это я смог теперь разъяснить подробнее, и это стало главной темой настоящего сочинения. Из девяти глав только третья и четвертая, а также вторая половина второй представляют собой изложение ряда статей в «Neue Zeit», все остальное написано заново.

Все в целом представляет собой дополнение к опубликованной мной в 1902 году брошюре о социальной революции.

Так как следует ожидать, что полемика, породившая это произведение, почерпнет из нее новую пищу, я хочу здесь заявить, что за мои выводы, поскольку они не основываются на нашей программе и решениях наших партийных с'ездов, ответственна не моя партия, а только я лично.

Это разумеется само собой при всяком выпуске издания, которое не исходит официально от партии, но не излишне еще раз указать на это критикам и полемистам.

Карл Каутский.

---

1. Завоевание политической власти.

Друзья и недруги социал-демократии сходятся на том, что она партия **революционная**. Но представления о революции, к сожалению, весьма разнообразны, а потому далеко расходятся и взгляды на революционный характер нашей партии. Немало из ее противников хотят видеть в революции не что иное, как анархию, кровопролитие, грабежи и поджоги. С другой стороны, есть товарищи, которым надвигающаяся социальная революция представляется только, как весьма постепенное, едва заметное, хоть в конце-концов и глубокое идущее изменение общественных отношений, по образцу тех изменений, которые были вызваны паровой машиной.

Все же ясно, что социал-демократия, как защитница классовых интересов пролетариата, есть партия революционная. Ибо пролетариату в капиталистическом обществе невозможно добиться сносных условий существования. Ибо его освобождение требует уничтожения частной собственности на капиталистические средства производства и управления путем их обобществления и замены частно-хозяйственного производства общественным. Пролетариат может найти удовлетворение только в общественном строе, глубоко отличном от современного.

Но социал-демократия революционна еще и в другом смысле: она признает, что государственная власть есть орудие классового господства, более того—самое сильное его орудие, и что социальная революция, к которой стремится пролетариат, не может быть проведена, пока он не завоевал политической власти.

Этим убеждением, обоснованным в «Коммунистическом манифесте» Марксом и Энгельсом, социал-демократия отли-

частся от так называемых утопических социалистов, как, например, приверженцев Оуэна и Фурье, действовавших в первой половине прошлого столетия, а также и от последователей Прудона, которые либо мало ценили политическую борьбу, либо вовсе отвергали ее и думали, что экономическое преобразование в интересах пролетариата может быть проведено мерами чисто-хозяйственного регулирования без изменения и захвата государственной власти.

В своих указаниях на необходимость захвата политической власти Маркс и Энгельс сходятся с Бланки. Но в то время, как последний полагал, что государственная власть может быть завоевана и подчинена служению пролетарским интересам путем заговора, путем бунта незначительного меньшинства, Маркс и Энгельс считали, что революции нельзя делать по произволу, но что они неизбежно возникают при определенных условиях, и что они невозможны, пока нет ни этих лишь постепенно создающихся условий. Только там, где высоко развит капиталистический способ производства, есть экономическая возможность посредством государственной власти заменить капиталистическую собственность на средства производства общественной; с другой стороны, возможность завоевания и прочного удержания за собой государственной власти представляется для пролетариата только там, где он вырос в значительную массу, в экономически неот'емлемую часть общества, где он в большей своей части крепко организован и имеет ясное представление как о своем классовом положении, так и о сущности государства и общества.

Эти условия все более создаются развитием капиталистического способа производства и проистекающими отсюда классовыми битвами между трудом и капиталом; подобно тому, как капитализм в своем постоянном развитии неизбежно и неудержимо шествует вперед, и пролетарская революция, как решительное выступление против него, неизбежна и неудержима.

Она неудержима, ибо растущий пролетариат неизбежно берется за оружие против капиталистического грабежа, организуется в профессиональные, кооперативные и политические союзы, пытается завоевать лучшие условия труда и существования и большого политического влияния. Всюду пролетариат следует этим способам действия, будь он социалистически настроен или нет. Задача социал-демократии заключается в том, чтобы об'единить различные выступления пролетариата против его эксплоатации в единое сознанное действие, которое найдет свою высшую точку в великих и решающих битвах за завоевание политической власти.

Это воззрение, основа которого заложена в «Коммунистическом манифесте», усвоено теперь социалистическим движением всех стран. На нем покоится международный социализм нашего времени.

Но это воззрение не могло восторжествовать, не встретив сомневающихся и критиков внутри самой социал-демократии.

Тем не менее действительное развитие пошло именно то направление, которое предсказали Маркс и Энгельс. И победоносное шествие международного социализма одновременно с развитием капитализма, а с ним и пролетарской классовой борьбы, более всего обязано выявленному Марксом и Энгельсом глубокому проникновению в условия и задачи этой борьбы.

Но они ошибались только в одном: революция казалась им слишком близкой.

«Коммунистический манифест» (в конце 1847 года) говорил так:

«Особенное внимание коммунисты обращают на Германию, потому что она стоит накануне буржуазной революции, и потому что в ней этот переворот совершится при далеко продвинувшихся вперед условиях европейской цивилизации и при гораздо более развитом пролетариате, чем в Англии XVII и Франции XVIII века. Таким образом немецкая буржуазная революция может быть только *непосредственным прологом пролетарской революции*».

Манифест с полным основанием ожидал германской революции, но он ошибался, полагая, что она будет непосредственным прологом пролетарской революции.

Ближе нам по времени другое предсказание, которое Энгельс высказал в 1885 году в своем введении ко 2-му изданию брошюры Маркса о кельнском процессе коммуни-

стов. Он сказал там, что ближайшее европейское потрясение «скоро последует—промежутки европейских революций—1815, 1830, 1848—52, 1870—в нашем столетии достигают 15—18 лет» (стр. 14 нем. изд. [1]).

Это ожидание также не сбылось, и до сего дня не свершилась предсказанная тогда революция.

Но почему это так? Был ли неправилен метод Маркса, на котором покоились эти ожидания? Ни в коем случае. Но один фактор был неправильно учтен, его значение было слишком преувеличено. Уже десять лет тому назад я писал об этом: «Оба раза революционная, оппозиционная сила буржуазии была переоценена» («Neue Zeit», XVII, 2, стр. 45).

В 1847 году Маркс и Энгельс ожидали в Германии революции огромного размаха,—революции, подобной великой французской катастрофе, начавшейся в 1789 году. Вместо этого дело дошло лишь до жалкого восстания, которое почти тотчас же отпугнуло всю буржуазию и бросило ее в об'ятия правительств, так что последние опять окрепли, между тем как быстрое развертывание сил пролетариата было задержано. Буржуазия предоставила отдельным правительствам заботиться о дальнейшем развитии революции, поскольку последняя еще ей была нужна, и именно Бисмарк был тем великим революционером, который, по крайней мере отчасти, об'единил Германию, низверг немецких князей с их престолов, способствовал об'единению Италии и лишению светской власти папы, уничтожил империю и восстановил республику во Франции.

В таких формах протекала немецкая буржуазная революция, скорое наступление которой Маркс и Энгельс предсказали в 1847 году, и которая завершилась только в 1870 году.

Несмотря на это, Энгельс и в 1885 году еще ожидал «политического потрясения» и считал, что «мелко-буржуазная демократия еще теперь является той партией», которая «в Германии, безусловно, должна первой стать у кормила правления».

И на этот раз Энгельс верно предсказывал наступление «политического потрясения», но он опять ошибся, ожидая

[1]) *По русскому изданию „Молота" 1906 г., стр. 20. Прим. перев.*

чего-то от мелко-буржуазной демократии. Она решительно уклонилась от выступления, когда рухнул режим Бисмарка. И потому падение канцлера произошло по решению одной династии и не имело никаких революционных последствий.

Все более становится очевидным, что революция возможна только как **пролетарская** революция; что она невозможна, пока организованный пролетариат не образует силы, достаточно большой и компактной, чтобы при благоприятных условиях увлечь за собой народные массы. Но если только пролетариат представляет собой единственный революционный класс нации, то, с другой стороны, отсюда следует, что всякое крушение современного строя, будь оно морального, финансового или военного характера, означает собой банкротство всех буржуазных партий, которые за все это ответственны, и что единственный выход из создавшегося тупика есть установление власти **пролетариата**.

Однако эти выводы делают не все товарищи. Некоторые из того факта, что несколько раз ожидавшаяся революция еще не наступила, никак не хотят сделать надлежащего заключения о том, что условия и формы грядущей революции благодаря капиталистическому строю будут совершенно иные, чем это думали на основании опытов бывших до сих пор буржуазных революций. Они делают вывод, что революции при изменившихся условиях вообще более нельзя ожидать, что она не необходима и даже вредна.

С одной стороны, они допускают, что дальнейшее развитие уже достигнутых завоеваний—законов об охране труда, профессиональных союзов и кооперативов, достаточно, чтобы вытеснить класс капиталистов постепенно из всех его позиций и незаметно его экспроприировать без политической революции, без изменения существа государственной власти. Эта теория постепенного экономического врастания в государство будущего представляет собой современную форму старого антиполитического утопизма и прудонизма. А с другой стороны, считают возможным, что пролетариат достигнет политической власти без революции, т.-е. без значительного сдвига в соотношении общественных сил, просто посредством мудрой тактики совместного действия с близко стоящими к пролетариату буржуазными партиями; в коалиции

с последними он образует власть, на создание которой не способна ни одна из участвующих партий в отдельности.

Этим путем хотят избегнуть революции, которая представляет собой весьма устарелый, варварский способ, не имеющий места в наш просвещенный век демократии, этики и человеколюбия.

Эти построения, будучи доведены до логического конца, совершенно уничтожают социал-демократическую тактику, обоснованную Марксом и Энгельсом. Эти построения с ней несовместимы. Конечно, нет основания считать их наверное ошибочными, но вполне понятно, что каждый, кто после зрелого размышления признал их ложными, резко выступит против них, так как дело идет не о незначительных разногласиях, а о победах и неудачах борющегося пролетариата.

Но при обсуждении этих разногласий легко попадают на ложный путь, когда недостаточно точно устанавливают границы спорных вопросов.

Поэтому, как это уже часто делалось раньше, здесь необходимо указать, что речь идет не о том, нужны ли и полезны ли для рабочих профессиональные союзы и кооперативы, законодательство по охране труда и прочие законы. По этому вопросу среди нас нет двух мнений. Оспаривается только взгляд, что эксплоатирующие классы, обладающие государственной властью, могут допустить такое развитие этих факторов, которое означало бы освобождение от капиталистического гнета, не оказав при этом со всей мощью государственного аппарата такого сопротивления, которое может быть преодолено только путем решительной битвы.

Далее, речь идет не о том, должны ли мы использовать в интересах пролетариата разногласия между буржуазными партиями. Недаром Маркс и Энгельс постоянно оспаривали правильность выражения «реакционная масса», потому что оно слишком затушевывает противоречия между различными фракциями имущих классов,—противоречия, которые зачастую становятся очень важными для интересов пролетариата. Как законы об охране труда, так и расширение политических прав более всего обязаны этим противоречиям.

Оспаривается только возможность для пролетарской партии образовать в обычных условиях одно правительство

или одну правительственную партию совместно с буржуазными партиями, не попадая при этом в неразрешимые противоречия, которые должны привести ее к крушению. Государственная власть есть всегда орган классового господства. Но классовые противоречия между пролетариатом и имущими классами настолько сильны, что пролетариат никогда не может править в государстве совместно с одним из имущих классов. Имущий класс постоянно будет добиваться и по своим интересам должен добиваться, чтобы государственная власть продолжала держать пролетариат в порабощении. Напротив того, пролетариат будет постоянно требовать от правительства, в котором участвует его собственная партия, чтобы государственная власть приходила ему на помощь в его борьбе с капиталом. Поэтому всякое пролетарско-буржуазное правительство должно потерпеть крушение.

Пролетарская партия в буржуазном коалиционном правительстве будет постоянно ответственна за действия, направленные к угнетению пролетариата. Эти действия, заставив пролетариат отвернуться от нее, все же не принесут ей доверия ее буржуазных братьев по блоку и сделают невозможной всякую плодотворную работу. Подобная политика может привести не к усилению пролетариата—на это не пойдет ни одна буржуазная партия; она может только скомпрометировать пролетарскую партию, а пролетариат сбить с толку и расколоть.

Как раз тот момент, который, начиная с 1848 г., постоянно задвигала революция—политическое бессилие буржуазной демократии—он-то и исключает всякое успешное совместное выступление с нею для завоевания и общего пользования политической властью.

И как ни стояли Маркс и Энгельс за то, чтобы использовать разногласия между буржуазными партиями для успехов пролетарского дела, как они ни боролись против самого понятия «реакционная масса», все же они выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс в 1891 году незадолго до своей смерти упорно отстаивал,—понятие о политическом единовластии пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть.

Но если буржуазно-пролетарское коалиционное правительство не может быть средством развития пролетарской власти, и если успех социальных реформ и экономических организаций пролетариата имеет свои границы при данном соотношении сил, то вненаступление политической революции до сих пор не дает ни малейшего основания заключить, что революции отошли в прошлое и что их больше не будет.

Другие сомневающиеся в возможности революции не настолько категоричны. Они считают возможным, что будет еще одна революция, но наступление ее они относят к отдаленному будущему. По крайней мере на протяжении еще одного человеческого века она совершенно невозможна и для нашей практической политики она не может быть принята в расчет. В ближайшие десятилетия мы должны основываться на тактике мирного врастания и буржуазно-пролетарской коалиционной политики.

И все же как раз теперь выплывают факты, которые более чем когда-либо дают нам основание признать это воззрение ложным.

2. Предсказание революции.

Чтобы дискредитировать ожидание марксистами грядущей революции, нас часто упрекают, что мы любим ее предсказывать, но проявили себя плохими пророками.

Мы уже видели, почему ожидавшаяся Марксом и Энгельсом пролетарская революция до сих пор не наступила. Но если не обращать внимания на эти несбывшиеся ожидания, то нужно поражаться не тому, что не все исполнилось из ожидавшегося ими; приходится изумляться тому, что так много из их предсказаний сбылось.

Мы, например, уже видели, что «Коммунистический манифест» в ноябре 1847 года возвестил наступление революции 1848 года. Это произошло в то самое время, когда Прудон доказывал, что время революций навсегда миновало.

Маркс был первым социалистом, указавшим на значение профессиональных союзов для классовой борьбы пролетариата в своем полемическом сочинении против Прудона «Нищета философии», появившемся в 1846 году. Во время своей работы над «Капиталом» он уже в шестидесятых годах предвидел

современные акционерные и картельные предприятия. Во время войны 1870—71 годов он предсказывал, что отныне центр тяжести социалистического движения перенесется из Франции в Германию. В январе 1873 года он предсказывал кризис, который наступил несколько месяцев спустя и т. д.

Точно так же обстоит дело с Энгельсом.

И даже там, где они ошибались, в их заблуждениях заключалось очень значительное зерно истины. Вспомните о том, что было сказано выше об ожидании Энгельсом в 1885 году политического потрясения в ближайшие годы.

Как раз здесь уместно выступить против одной легенды, грозящей упрочиться. В своем «Рабочем вопросе», вышедшем теперь 5-им изданием, берлинский профессор Г. Геркнер при изложении отчета о Ганноверском партейтаге 1899 г. пишет:

«Каутский в пылу полемики позволил себе так далеко зарваться, что он заклеймил как идиотство всякую надежду на быстрое наступление осуществляющей все чаяния катастрофы и таким образом оспаривал это еще более резко, чем это сделал сам Бернштейн. Если бы Энгельс действительно предсказывал на 1898 год всеобщий революционный взрыв, говорит Каутский, то он был бы не тем великим мыслителем, которым он был, а был бы таким идиотом, что ни один из избирательных округов не избрал бы его своим делегатом на партейтаг. Энгельс только полагал, что в 1898 году возможно, может быть, крушение нынешней политической системы в Пруссии.

Пусть установлено, что думал Энгельс. Но слова Бебеля на Эрфуртском партейтаге 1891 года, что только немногие члены этого конгресса не доживут до осуществления конечной цели, не допускают никакого спасительного истолкования. Эти слова были идиотскими, если выражаться, как Каутский в 1899 году. В этом вопросе с ясностью, не оставляющей желать ничего лучшего, нашло свое выражение перемена, наступившая даже в умах поколения старой тактики (стр. 379).

К сожалению, ясность господина профессора заставляет желать очень многого. Ни одним словом я не определял надежду на скорое наступление катастрофы, осуществляющей все чаяния(!), как идиотство, по той простой причине, что о такой катастрофе не было речи. Впрочем, я был бы во всяком случае совершенно прав, если бы я назвал идиотством надежду на катастрофу, осуществляющую все чаяния. Я избрал выражение «идиотство» для взгляда, что Энгельс твердо установил 1898 год, как определенную

дату для революции. Такого рода предсказание казалось мне во всяком случае идиотским. Но Энгельс никогда этим не грешил. И так же мало повинен в этом Бебель. На Эрфуртском партейтаге 1891 года он не указал определенного года для наступления революции.

Уже там пошучивали над его «предсказаниями». Он на это ответил:

«Пусть смеются и издеваются над предсказаниями; мыслящие люди без них не обходятся. Фольмар еще несколько лет тому назад был чужд нынешней холодно-пессимистической трезвости. Оспариваемый им Энгельс в 1844 совершенно верно предсказал революцию 1848 года. И разве то, что Маркс и Энгельс предсказали во время восстания коммуны в известном адресе Генерального Совета Международной Рабочей Ассоциации о грядущем положении вещей в Европе, разве это не осуществилось вплоть до точки над я? (Совершенно верно!). Либкнехт, который тоже немного насмехался надо мной, сам много пророчествовал. (Смех). Он подобно мне в 1876 году в рейхстаге предсказал то, что теперь вполне сбылось. Прочитайте мои и его речи 1870—71 годов и вы найдете подтверждение этому. Приходит Фольмар и кричит: молчите об этой старой истории и оставьте пророчества. Но он сам тоже пророчествует. Разница между нами та, что он обладает удивительным оптимизмом по отношению к нашим противникам, но страшнейшим пессимизмом по отношению к принципиальным стремлениям партии и ее будущему». (Протокол, стр. 283.)

Одним из наиболее значительных сбывшихся предсказаний Бебеля является предсказание, сделанное им в 1873 году, что число депутатских мест партии центра в рейхстаге скоро возрастет с 60 до 100, что культуркампф Бисмарка будет иметь плачевный конец и приведет к его падению.

Недавно мне оказали честь, поставив меня рядом с этими «пророками». Я не могу найти для себя лучшего общества.

Меня упрекают, что я в серии своих статей «Allerhand revoluzionäres» в «Neue Zeit» [1]), а также в предисловии к моей «Этике» сказал о русской революции нечто такое, что основательно опровергнуто историческим опытом.

Так ли это?

В предисловии к «Этике» я писал:

«Мы идем навстречу периоду, когда кто знает, как долго для всякого социал-демократа будет исключена возможность

[1]) Русский перевод под заглавием: „Революционные перспективы".

спокойной работы, когда вся наша деятельность будет непрерывной борьбой... Как раз теперь полицейские защитники царизма напрягают все свои усилия, чтоб сравниться с Альбами и Тилли религиозных войн XVI и XVII веков, но сравняться не военными подвигами, а зверствами и поджогами. Западно-европейские поборники культуры, порядка и прочих священных благ человечества восторженно приветствуют эти деяния, как восстановление законного порядка. Но как наемникам Габсбургов, несмотря на кратковременный успех, не удалось вновь окатоличить Северную Германию и Голландию, точно так же казакам Романовых не удастся восстановить абсолютистского режима. Этот режим обладает еще силой для опустошения страны, но не для управления ею».

«Во всяком случае русская революция далеко еще не кончилась. Она не может кончиться, пока не удовлетворены русские крестьяне. Чем дольше она продолжается, тем больше возбуждение пролетарских масс Западной Европы, тем ближе опасность финансовых катастроф, тем вероятнее, что и в Западной Европе наступит эпоха обостренной классовой борьбы».

Что в этих словах, написанных в январе 1906 года, такого, чего я должен был бы стыдиться? И разве можно думать, что русская революция закончилась, и что в России восстановились нормальные отношения? И разве весь мир с тех пор, как я писал вышеприведенные строки, действительно не пришел в состояние величайшего беспокойства?

Далее, о моем «злополучном пророчестве» в статье «Allerhand revoluzionäres». Я тогда полемизировал с Люсией, который совершенно исключал возможность, что война за Корею может привести в России к революции, и который думал, что я преувеличиваю, говоря, что русские рабочие представляют собой гораздо более реальный политический фактор, чем английские. На это я в первых числах февраля 1904 года, в начале русско-японской войны, отвечал:

«Нет сомнения, что Россия в своем экономическом развитии далеко отстает от Германии и Англии, и что российский пролетариат гораздо слабее и менее зрел, чем германский или английский. Но все относительно, относительна и революционная сила класса».

Я показал, почему российский пролетариат обладал тогда необыкновенной революционной силой, и далее заключал:

«Эта борьба тем скорее разрешится не в пользу абсолютизма, чем энергичнее Западная Европа будет отказывать последнему в поддержке. Действовать в том направлении, чтоб насколько возможно дискредитировать царизм,—вот в настоящее время наиболее важная задача для международной социал-демократии»...

«Между тем борьба против самодержца всея Руси растет вширь, несмотря на ценную для него дружбу всей Западной Европы. Война с Японией может сильно ускорить победу революции в России... То, что произошло после русско-турецкой войны, повторится на этот раз в гораздо более широких размерах! Это будет могучая вспышка революционного движения».

Обосновавши это, я продолжал:

«Прежде всего революция в России не может положить начало социалистическому строю. Для этого не созрели еще экономические условия страны. Революция может прежде всего только призвать к жизни демократический строй. За ним будет однако стоять сильный, неукротимый, стремящийся вперед пролетариат, который добьется значительных успехов.

«Такой режим должен будет оказать могучее влияние на соседние с Россией страны. Он вызовет оживление и волнение в пролетарском движении, которое, получив вследствие этого сильный толчок, со своей стороны предпримет наступление против политических препятствий, стоящих на пути истинной демократии, и прежде всего против трехклассной системы выборов в Пруссии. Тогда наступит и разрешение разнообразных национальных вопросов Восточной Европы».

Это я писал в феврале 1904 года. В октябре 1905 года русская революция стала действительностью, а пролетариат ее передовым борцом. Сейчас же сказалось и влияние на соседние страны. В Австрии борьба за всеобщее избирательное право приобрела непреодолимую силу, и победа была вскоре достигнута; Венгрия очутилась на краю формального восстания; германская социал-демократия признала всеобщую забастовку и со всей силой бросилась в борьбу за всеобщее

избирательное право, которая в Пруссии уже в январе 1908 года привела к уличным демонстрациям, каких не видал Берлин со времен 1848 года. А в 1907 году произошли поразительные гottентотские выборы и полнейший крах немецкой демократии. Если я при этом ожидал развития национальных движений Восточной Европы, то эти ожидания были превзойдены быстрым пробуждением всего Востока—Китая, Индии, Египта, Марокко, Персии и Турции,—пробуждением, которое в двух последних странах привело к победоносным революционным взрывам.

И в связи с этим перед нами постоянное обострение международных противоречий, которые уже два раза, сперва из-за Марокко, затем из-за Турции, поставили Европу перед возможностью войны.

Если сбылось какое-нибудь «прозрение будущего», если употребить это слово, то это было предсказание, которое ожидало наступления русской революции и, как следствия ее, периода повышенного политического возбуждения и обострения всех социальных и национальных противоречий.

Я, правда, не предсказывал временного поражения русской революции. Но разве тот, кто предсказывал в 1846 году наступление революции 1848 года, ошибался потому, что она потерпела поражение в 1849 году?

Конечно, при всяком крупном движении и подъеме мы должны рассчитывать и на возможность поражения. Дурак тот, кто накануне предстоящей борьбы чувствует себя уверенным, что победа у него уже в кармане. Мы можем только подвергать исследованию, идем ли мы навстречу великим революционным битвам. Об этом можно судить с достаточной степенью вероятности. Об исходе же подобного рода битв наперед ничего определенного сказать нельзя. Но мы были бы жалкими людьми, даже прямыми изменниками своего дела и неспособными к какой бы то ни было борьбе, если бы мы заранее были уверены в неизбежности поражения и не считались с возможностью победы.

Конечно, не каждое ожидание может воплотиться в действительность. Кто выдает себя за непогрешимого пророка или требует от других безошибочных предсказаний, тот должен предположить в человеке сверхъестественные силы.

Каждый политик должен рассчитывать на возможность исполнения его ожиданий. Тем не менее «пророчество» представляет собой не праздную игру, но осторожно в методах проводимую неустанную деятельность для каждого мыслящего и дальновидного политика. На это указал уже Бебель.

Только глупый рутинер удовлетворяется верой, что впредь все пойдет по-старому. Политик, являющийся в то же время и мыслителем, при каждом наступающем явлении взвесит все возможности, которые оно таит в себе, и продумает самые отдаленные его последствия. Конечно, сила косности в обществе неимоверно велика; в девяти случаях из десяти рутинер, вероятно, будет повидимому прав, если он пойдет по проторенной дорожке и не даст себе труда задуматься над новыми ситуациями и возможностями. Но все же когда-нибудь наступит явление, достаточно могучее для того, чтобы преодолеть силу косности, которая была уже внутренне потрясена предыдущими происшествиями, хотя с внешней стороны все осталось по-старому. Тогда вдруг развитие прокладывает себе новые пути. Все рутинеры при этом теряют голову, устоят только такие политики, которые допускали новые возможности и их последствия.

Но вовсе не следует думать, что глупый рутинер даже при обычном ходе вещей превосходит учитывающего будущее или «прорицающего» политика. Это могло бы случиться только тогда, когда политик считал бы те возможности, последствия которых он продумал, за реальность и по ней тотчас же строил бы свои практические действия. Неужели можно утверждать, что Энгельс, Бебель и прочие «прорицающие» политики, о которых идет речь, когда-нибудь высказывали свои предсказания именно в таком смысле?

Безмозглый рутинер никогда не почувствует себя вынужденным изучать действительность, представляющуюся ему простым повторением уже знакомых ситуаций, в которых он до сих пор находился. Кто, напротив, продумывает при данной ситуации все возможные последствия, тот может это выполнить только путем изучения данного соотношения сил; он вынужден более всего обратить внимание на вновь зарождающиеся и мало еще оцененные факторы.

То, что кажется какому-нибудь филистеру бесцельным

гаданием на кофейной гуще, на самом деле является результатом глубокого исследования и потому сопровождается усиленным познанием действительности. Только тогда можно было бы с правом напасть на Энгельса и Бебеля за их «прорицания», если бы они выказали себя чуждыми действительности фантазерами. На самом деле пролетариат во всех своих тяжелых положениях никогда еще не получал лучших и более целесообразных советов, чем те советы, какие давали ему как раз эти «пророки», и именно потому, что они посвящали себя делу «пророчества». Кто до сих пор слишком часто вел борющиеся классы по ложному пути, так это не те политики, которые всегда стремились к широчайшим горизонтам, а те «реальные политики», которые видят не дальше собственного носа, считают за реальность только то, на что они натыкаются носом, и об'являют великим и непреодолимым всякое препятствие, о которое они раз расквасили себе нос.

Но есть еще другой вид «пророчества», отличный от описанного. Развитие общества в конечном счете обусловливается развитием способа производства, с законами которого мы в настоящее время уже достаточно знакомы, для того, чтобы с некоторой уверенностью определить направление неизбежного общественного развития и сделать отсюда выводы о неизбежном ходе политического развития.

Этот способ «пророчества» часто смешивается с обрисованным выше, и все же они глубоко различны между собой. При первом из этих способов речь идет о весьма многообразных возможностях, таящих в себе особые результаты или особую ситуацию, вероятными последствиями которых мы должны руководиться. При втором способе речь идет о неизбежном единственно возможном направлении развития, к познанию которого мы должны стремиться. При первом способе мы касаемся определенных конкретных фактов, второй же способ может указать нам лишь общие тенденции, не говоря ничего определенного о тех формах, в которые они выльются. Эти оба способа исследования не надо смешивать даже тогда, когда они дают, повидимому, одинаковые результаты.

Если кто-нибудь, например, говорит, что война между Францией и Германией приведет к революции, а другой

утверждает, что возрастающее обострение классовых противоречий в капиталистическом обществе ведет к революции, то последнее утверждение будет, повидимому, таким же предсказанием революции, как и первое. И все же каждое из этих утверждений означает нечто иное. Когда я говорю о войне между Францией и Германией, то война в этом случае не есть событие, наступление которого можно предсказать с вероятностью закона природы. Так далеко наука еще не зашла. Война есть только одна из многих возможностей, которые могут наступить. Но, с другой стороны, революция, которая может развиться из войны, связана с определенными формами. Может случиться, что и той из обоих воюющих наций, которая окажется слабейшей, стремление освободить все силы народа для борьбы с внешним врагом поставит во главе нации самый решительный и энергичный класс — пролетариат, подобно тому, как это Энгельс считал возможным для Германии в 1891 году, если б она вела войну одновременно с Францией, тогда еще не так далеко отставшей в численности своего населения, и с Россией, еще не побежденной и не потрясенной революцией.

Революция, как следствие войны, может произойти также из восстания народных масс, когда армия сломлена и устала вести лишения войны, и когда правительство извергнуто не для того, чтобы энергичнее продолжать войну, а для того, чтобы положить конец бесцельной и губительной бойне и заключить мир с врагом, который тоже не желает ничего лучшего.

Наконец, революция может произойти, как следствие войны, из всеобщего возмущения против позорного и связанного с большим уроном мирного договора,—возмущения, которое соединяет армию и народ против правительства.

Для приведенного здесь случая определенные формы революции даны наперед; напротив того, картина революции довольно неопределенна, если я рассматриваю ее, как следствие возрастающего обострения классовых интересов. Я могу вполне категорически утверждать, что революция, которую приносит война, вспыхивает либо во время войны, либо непосредственно после нее. Если я, напротив того, говорю о революции, как о результате возрастающего обострения

классовых противоречий, то я тем самым ничего не говорю о моменте ее наступления. О революции, как о следствии войны, я могу с определенностью утверждать, что она является актом однократным. О революции, которая происходит из возрастающего обострения классовых противоречий, по этому поводу решительно ничего нельзя сказать. Она может представлять собой очень длительный процесс; революция же, как следствие войны, может играть при этом лишь роль эпизода. О революции, как о следствии войны, нельзя наперед с определенностью сказать, что она будет успешна. Напротив того, революционное движение, вытекающее из обострения классовых противоречий, может потерпеть временное поражение, но в конце-концов должно победить.

Но с другой стороны, предварительное условие революции—война в первом случае,—как мы уже видели, может наступить или не наступить. Никто не может сказать по этому поводу что-нибудь определенное. Напротив того, обострение классовых противоречий вытекает с необходимостью из законов капиталистического способа производства. И если революция, как следствие войны, есть только одна из многих возможностей, то, как следствие классовой борьбы, она неизбежна.

Ясно, что каждый из обоих способов «пророчества» имеет свой особенный метод, требует особенного исследования, и что от глубины этого исследования зависит значение «пророчества»; люди, которые не имеют никакого представления об этих исследованиях, являются пустыми фантазерами.

Было бы глубоко ошибочно думать, что только мы, марксисты, одни «пророчествуем». Даже буржуазные политики, которые шагают по твердой почве настоящего, не обходятся без заглядывания в далекое будущее. Вся сила колониальной политики, например, зиждется на этом. Если б речь шла только о современной колониальной политике, то с нею было бы очень легко справиться. Она для всех стран, исключая Англию, представляет собой убыточное предприятие. Но колониальная политика образует единственную область, на которую в пределах капиталистического общества, повидимому, еще возлагаются большие надежды, по крайней мере, в будущем. Из-за этого, из-за блестящего будущего, кото-

рое предсказывают наши колониальные мечтатели, а не из-за плачевного настоящего, колониальная политика действует как приманка на все умы, которые не убеждены в наступлении социализма. Нет ничего ошибочнее воззрения, что в политике дело решают интересы минуты, что отдаленные идеалы не имеют никакого практического значения, что мы в нашей выборной агитации тем лучше успеваем, чем «практичнее», т.-е. трезвеннее и мелочнее, мы ведем себя, чем более мы говорим о налогах и пошлинах, о полицейских придирках, о больничных кассах и тому подобных вещах и чем более мы рассматриваем наши великие цели грядущего, как милую давнюю юношескую любовь, о которой в глубине души охотно вспоминают, но о которой открыто предпочитают не говорить.

3. Врастание в государство будущего.

Без пророчества в политике никто не обходится. Но те, которые предсказывают, что все останется по-старому, не подозревают, что и они пророчествуют.

Конечно, нет ни одного пролетарского политика, который был бы доволен современными условиями и не стремился бы к их коренному преобразованию. И нет ни одного разумного политика, независимо от направления, хоть несколько свободного от предвзятых мнений, который не признал бы абсурдным ожидание, что экономическое преобразование общества пойдет вперед современным быстрым темпом, а в политике еще долго все останется по-старому.

Если политик, несмотря на это, ничего не хочет знать о политической революции, т.-е. о резком изменении соотношения сил в государстве, то ему только и остается искать такие пути, при которых классовые противоречия будут уничтожены медленно и незаметно, без великой, решительной битвы.

Либералы мечтают о восстановлении социального мира между классами эксплоататоров и эксплоатируемых, не уничтожая эксплоатации, попросту тем, что каждый из классов наложит на себя известное самоограничение по отношению к другому классу и откажется от «слишком больших завоеваний» и «чрезмерных требований». Есть люди, которые полагают, что противоречие интересов, существующее между отдельным рабочим и капиталистом, может быть преодолено, если рабочий и капиталист будут стоять друг против друга организованными. Коллективные договоры, по мнению этих людей, должны положить начало социальному миру. В действительности, организация только концентрирует проявления противоречий. Схватки между обоими лагерями становятся реже, но сильнее, и они гораздо больше потрясают общество, чем прежние небольшие битвы. Само противоречие борющихся интересов благодаря организации становится гораздо резче; оно все более ощущается не как случайное противоречие отдельных личностей, а как неизбежное противоречие между целыми классами.

Социалист не может разделять иллюзий примирения классов и социального мира. Как раз отрешение от этой иллюзии и делает его социалистом. Он знает, что не химеричное примирение, а только уничтожение классов может установить общественный мир. Но если он потерял веру в революцию, то ему остается только ожидать мирного и незаметного уничтожения классов в процессе экономического развития, роста и усиления рабочего класса, который постепенно всасывает в себя все остальные классы.

Это и есть теория врастания в социалистическое общество.

Эта теория заключает в себе весьма реальное зерно. Она опирается на факты действительного развития,—на факты, которые свидетельствуют о том, что мы на самом деле идем навстречу социализму. Именно Маркс и Энгельс изобразили этот ход вещей и указали на его естественную закономерность.

С двух сторон происходит врастание в социализм. Прежде всего через развитие капитализма и концентрацию капитала. Конкурентная борьба приводит к тому, что больший капитал, превосходя мелкий, угрожает последнему, угнетает его и наконец вытесняет. Уже это обстоятельство, не говоря уже о жажде наживы, гонит всякого капиталиста по пути увеличения его капитала и расширения его предприятий. Все крупнее становится производство, и все большее число предприятий об'единяется в одних руках. Уже теперь мы достигли того, что банки и союзы предпринимателей господствуют над

большею частью капиталистических предприятий различных народов и организует их. Таким образом все больше подготовляется общественная организация производства.

Рука об руку с этой централизацией предприятий идет рост больших капиталов, который ни в коем случае не задерживается возникновением акционерного общества. Напротив, современное акционерное общество не только делает возможным для превращения мелких и мельчайших имуществ в капитал и тем самым обрекает их на процесс централизации, свойственный капитализму.

Благодаря существованию акционерных обществ, сбережения мелкого люда предоставляются в распоряжение крупных капиталистов, которые пользуются ими, как будто это были их собственные капиталы, и этим самым еще больше увеличивают концентрирующую силу их собственных крупных имуществ.

Личность самого капиталиста становится, благодаря существованию акционерного общества, совершенно излишней для хода капиталистического предприятия. Устранение его личности из хозяйственной жизни перестает быть вопросом экономической возможности или целесообразности. Оно становится только вопросом силы.

Подготовление социализма, благодаря концентрации капитала, есть одна сторона врастания в государство будущего. Рядом с этим внутри рабочего класса также идет развитие, которое означает собой рост по направлению к социализму. С ростом капитала растет и число пролетариев в обществе. Они становятся наиболее многочисленным классом его. В то же время растут и пролетарские организации. Рабочие осознают кооперативные общества, которые устраняют торговое посредничество и организуют производство для своего собственного потребления; они организуют профессиональные союзы, которые обуздывают всевластие предпринимателей и стремятся приобрести влияние на процесс производства; они избирают депутатов в органы местного самоуправления и парламенты; эти депутаты стремятся проводить реформы, законы по охране труда, преобразовать государственные и

муниципальные предприятия в предприятия образцовые и постоянно увеличивать число последних.

Это движение развивается непрерывно, и мы, как уверяют наши реформисты, уже находимся в процессе социальной революции, а по мнению некоторых, уже в социалистическом строе. Необходимо лишь дальнейшее развитие на данной основе, без всякой катастрофы, которая может лишь помешать процессу врастания в социализм. А потому — прочь всякие мысли о ней и давайте сосредоточимся на созидательной работе.

Конечно, этот взгляд весьма заманчивого свойства, и нужно на самом деле обладать дьявольской натурой, чтобы катастрофой помешать этому прелестному «постепенному, реформистскому достижению». Если бы желание было отцом наших мыслей, то мы, марксисты, все должны были бы воодушевиться этой теорией врастания.

Эта теория имеет, однако, маленький недостаток: рост, который она описывает, есть рост не одного единственного элемента, а двух элементов, и притом двух элементов, весьма противоречащих друг другу — капитала и труда. То, что «реформистам» кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой вражде; оно только обозначает, что противоположность между трудом и капиталом, которая вначале была лишь противоположностью между некоторым числом индивидуумов, составлявших незначительное меньшинство в государстве, в настоящее время выросла в борьбу между гигантскими замкнутыми организациями, обусловливающими всю общественную и государственную жизнь. Врастание в социализм обозначает таким образом «врастание» в великие битвы, которые потрясают все существо государства, которые постоянно должны усиливаться, и которые могут окончиться лишь низвержением и экспроприацией класса капиталистов. Ибо пролетариат есть неотъемлемая часть общества; он может временами терпеть поражение, но он никогда не может быть уничтожен. Напротив того, класс капиталистов стал излишним. Первое большое поражение в борьбе за государственную

власть, которое этот класс потерпит, должно повести к его полному крушению на долгие времена.

Тот, кто не хочет признавать этих последствий нашего постоянного врастания в социализм, должен быть слепым по отношению к основному факту жизни нашего общества — классовым противоречиям капитала и труда. Врастание в социализм есть только другое выражение постоянного обострения классовых противоречий, врастания в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем социальной революцией.

Ревизионисты, конечно, не хотят этого признавать, но им до сих пор не удалось привести ни одного основательного довода против этого взгляда. Все те факты, которые они приводят как возражение, если эти факты имеют какое-нибудь значение и что-нибудь доказывают, то отнюдь не «врастание» в социализм, а движение общества прочь от социализма. Таково, например, утверждение, что капитал не централизуется, а децентрализуется. Это логическое противоречие лежит в основе самого существа ревизионизма: если он хочет доказать врастание в социализм, он должен признавать Марксову теорию капитализма, и он должен отвергнуть эту теорию, если он хочет представить вероятным мирное развитие общества и смягчение классовых противоречий.

Но при этом даже в головах ревизионистов и их единомышленников начинает возникать подозрение, что идея мирного врастания в государство будущего таит в себе «закавыку».

Показательна в этом отношении статья Наумана о «судьбе марксизма», которую он опубликовал в октябрьской книжке «Neue Rundschau» (1908 г.), а затем в «Hilfe». Прежний руководитель «национал-социалов» дает нам весьма запутанное представление о положениях марксизма. Он мнит, что концентрация капитала и образование союзов предпринимателей представляет собой для нас, марксистов, нечто нежелательное, нечто поразительное и приводящее нас в смущение. А с другой стороны, он утверждает, что ревизионистские деятели профессионального движения, в противоположность марксистам, впервые выяснили значение законода-

тельной охраны труда и профессиональных организаций. Этот милый господин представления не имеет, что Маркс впервые на европейском континенте распространил сведения об этих двух явлениях и признал их значение; он же выяснил и значение союзов предпринимателей гораздо раньше, чем другие социалисты.

Но к неосведомленности этого господина в подобных вопросах мы привыкли. На это не следовало бы даже обращать внимания. Напротив того, достойно внимания, что Науман в своей статье открывает превосходство силы концентрированного капитала; по его воззрениям, экономическое развитие ведет не к социализму, а к «новому феодализму с неслыханно сильными хозяйственными средствами». Он говорит, что профессиональным союзам и кооперативным обществам не угнаться за союзами предпринимателей.

«Ведение производства в период, который мы можем предвидеть, сосредоточивается там, где синдикаты работают вместе с банками. Там выросли силы, которых ни одна социальная революция не может выбить из седла, пока ужасные времена безработицы и голода не вызовут массовой ненависти, которая тогда попросту все слепо уничтожит, не будучи в состоянии создать что-нибудь лучшее. Идея социальной революции рушится ходом вещей. Все это очень мучительно для всех социалистов старого закала, а также для нас, социальных идеологов, так как мы надеялись на более быстрое развитие успехов рабочего дела, но мы делу не поможем, если мы захотим создавать себе иллюзии: ближайший период принадлежит союзам предпринимателей».

Это совсем не похоже на врастание в социализм и меньше всего на мирное врастание. Даже Науман не может указать другого средства для низвержения нового феодализма, как «массовую ненависть», которая все «уничтожит», т.-е. революцию, но здесь он проделывает логический скачок. Сначала он признает, что союзы предпринимателей только революцией могут быть выбиты из седла, но затем он устраняет мысль о подобного рода революции простым утверждением, что она должна быть голодным бунтом, который «попросту все слепо уничтожит, не будучи в состоянии создать что-нибудь лучшее». Почему это так должно случиться, почему

революция заранее обречена на бесплодие, это остается тайною Наумана.

Но после того, как он без всякого основания, одним росчерком пера, убил идею революции, он никоим образом не впадает в состояние полной безнадежности, но приободряется, исполненный радостной веры.

Он делает открытие, что союзы предпринимателей непреодолимы только для марксистов, признающих экономическую необходимость и отрицающих свободную волю. Нам достаточно только признать эту волю, и тогда мы покончим и с союзами предпринимателей, тогда «неслыханно сильные средства нового феодализма» потеряют свою непреодолимость.

Чего не могло дать возмущение масс, то может быть достигнуто признанием свободной воли индивидуума, признанием «личности». Указание на это и есть «практическая, «реальная политика».

Науман повествует нам:

«Маркс мало признавал обращение к свободной воле, ибо он все рассматривал, как естественно необходимое явление. По крайней мере, так это звучит в его теории. Как человек, он был личностью с сильной волей и будильником энергии. Теперь внутри мыслящей социал-демократии происходит известное возвращение от естественно-научного учения к учению о воле и тем самым к основе учения всех либеральных движений. Эдуард Бернштейн яснее всех сказал о том, что придется опять прийти на поклон к Канту. Даже в анархистских и полуанархистских течениях социал-демократии замечается та же самая тяга от веры в слепо правящий рок ко взгляду, что воля так или иначе видоизменяет вещи. Этот возврат к учению о воле есть следствие факта упрочения нового индустриального господства. Замечают, что эта власть сама собой не падет, но что ее привилегии должны быть отвоеваны только волевыми актами».

Но те, которые только теперь это замечают,—поклонники мирного врастания в социализм. Мы, марксисты, на самом деле не нуждаемся в таком признании. Для ревизионистов и их отпрысков из среды анархистов и национал-социалов— это, напротив того, огромное открытие. Но они—пчелы,

которые умеют высосать мед из каждого цветка: и в этом открытии они усматривают опровержение марксовых воззрений, так же как либеральные, социал-национальные, анархистские и полуанархистские их братья по духу. Они обвиняют Маркса в том, что он знал только «слепо управляющее», «автоматическое» экономическое развитие и ничего не знал о человеческой воле. А как раз выявление этой воли является якобы нашей главной задачей.

Так учит не только Науман, но и Фридеберг, так учат те элементы, которые внутри социал-демократии качаются, как маятник, между Науманом и Фридебергом, как, например, Эйснер и Мауренбрехер, так учат также теоретики ревизионизма, как Туган-Барановский:

«Автор «Капитала» переоценил значение стихийной стороны исторического процесса и не понял громадной творческой воли живой человеческой личности в этом процессе» («Современный социализм», стр. 91).

Все это ясно доказывает, что в теории мирного «врастания» в социализм есть большая брешь, которая должна быть заполнена громадной творческой ролью живой человеческой личности и ее свободной волей. Но эта свободная воля, которая должна дополнить врастание в социализм, обозначает в действительности уничтожение теории врастания. Если Науман прав, что воля свободна и «так или иначе видоизменяет вещи», то никак нельзя усмотреть, какое мы имеем оружие для того, чтобы врасти прямо в социализм. Тогда вообще невозможно познать какое бы то ни было направление общественного развития и невозможно никакое научное познание общества.

4. Экономическое развитие и воля

На вышеизложенные выводы ревизионисты будут возражать, что еще большее противоречие постоянно выступает у самого Маркса, который, как мыслитель, не признавал никакой свободной воли и возлагал все свои надежды на неизбежное экономическое развитие, автоматически шествующее вперед, но, как революционный борец, постоянно и самой сильной степени проявлял волю и апеллировал к

активности пролетариата. Это не является непримиримым противоречием в теории и практике Карла Маркса, возвещают им ревизионисты, анархисты и либералы в тесном содружестве.

На самом деле у Маркса такого противоречия найти нельзя. Это результат путаницы у его критиков,—неисправимой путаницы, к которой они постоянно возвращаются. Она коренится из отождествлении воли и свободной воли. Маркс никогда не отрицал значения воли и «огромной роли человеческой личности» для общества; он отвергал только свободу воли, а это совсем другое. Об этом уже достаточно часто говорилось, чтобы здесь еще раз на этом останавливаться.

Впрочем, эта путаница коренится на одном весьма своеобразном представлении об экономике и экономическом развитии. Так как экономическое развитие совершается по определенным законам, то эти ученые господа мнят, что оно идет вперед автоматически, самостоятельно, без участия активных человеческих личностей. При этом человеческая воля выступает рядом с экономикой и над ней, как особый элемент, ее дополняющий и на нее влияющий, и является, обусловленное экономикой, «так или иначе изменяется». Это воззрение возможно только в умах тех, кто воспринимает экономику весьма схоластично, кто почерпнул свои понятия из книг и затем оперирует с ними совершенно отвлеченно, не приобретя ни малейшего живого восприятия действительного экономического процесса. В этом отношении пролетарии выше этих господ, и потому они, вопреки Мауренбрехеру и Эйсперу, более предрасположены, чтобы понять этот процесс и его историческую роль, чем те буржуазные теоретики, которым чужда экономическая практика, чем те буржуазные практики, которым остается чужд всякий теоретический интерес, всякая потребность понимать экономике больше, чем это требуется для успешного выполнения барышей.

Вся экономическая теория становится пустой игрой понятий для каждого, кто не исходит из признания, что движущей силой всякого экономического прогресса является человеческая воля—но отнюдь не свободная воля, не хотение само по себе, а определенные волевые устремления. Это в конечном счете воля к жизни, лежащая в основе всей экономики и вместе с самой жизнью появляющаяся у организмов, одаренных способностью движения и познания. Всякое проявление воли в конечном счете может быть сведено к воле к жизни.

Какие особые формы принимает эта воля организма к жизни в каждом отдельном случае, это зависит от особых условий его существования, принимая понятие условия в самом широком смысле, включая в них не только средства сохранения организма, но и опасности и препятствия. Условия существования организма определяют характер его волевых устремлений, формы его деятельности и ее успешность.

Это положение составляет исходный пункт материалистического понимания истории. Конечно, так просты те отношения, которые нужно подобным образом об'яснять, только у простейших организмов; но много промежуточных звеньев вклинивается между простой волей к жизни и многообразными формами проявления воли у организмов на высшей ступени развития.

Останавливаться на этом подробнее не входит в мою задачу, но некоторые замечания здесь уместны.

Условия жизни организма бывают двоякого рода. С одной стороны—такие, которые всегда повторяются и не изменяются в течение многих поколений. Целесообразное волевое устремление, приспособленное к этим условиям, становится привычкой, которая передается по наследству и усиливается естественным подбором; оно становится инстинктом, влечением; видимых им следует в конце-концов при всяких обстоятельствах даже в чрезвычайных условиях, при которых следование влечению не благоприятствует жизни и ее сохранению, но предает ей, быть может, даже приводит к смерти. И все же первичная причина этого волевого устремления есть всегда воля к жизни.

На ряду с условиями жизни, повторяющимися в одной и той же форме, есть такие, которые наступают редко или в меняющейся форме. Здесь инстинкт не действует и сохранение жизни зависит, главным образом, от познавательной спо-

собности организма, обладающего ею для того, чтобы рассознать данное положение и сообразовать с ним свое поведение.

Чем дольше какой-нибудь вид животных живет в быстро меняющихся условиях жизни, тем сильнее развивается его сообразительность, отчасти благодаря тому, что органы сообразительности сильнее упражняются, отчасти же потому, что индивиды с более слабой сообразительностью скорее погибают.

У человѣка, наконец, ум достигает такой степени развития, что он в состоянии создать себе искусственные орудия, оружие и орудия, чтобы лучше упрочиться при данных условиях жизни. Но тем самым он одновременно создает для себя самого новые условия существования, с которыми он и сообразуется. Так развитие техники, проявление высшей сознательности, в свою очередь, само становится побуждением к дальнейшему развитию сознания.

Развитие техники также есть проявление воли к жизни, но оно влечет за собой значительное видоизменение ее. Животное хочет жить, как оно жило до сих пор. Большего оно не желает. Изобретение нового оружия или нового орудия приносит возможность жить лучше, чем раньше, добиться более обильного питания, большого досуга, большей безопасности или, наконец, удовлетворить новые потребности, которых до сих пор не знали. Чем больше развивается техника, тем более воля к жизни становится волей к лучшей жизни.

Эта воля—признак культурного человека.

Но техника преобразовывает не только отношения человека к природе, но и отношения людей между собой.

Человек принадлежит к общественным животным, к тем животным, которым жизненные условия позволяют существовать не изолированно, а только соединенными в общества. Воля к жизни принимает здесь форму воли жить вместе с сочленами по обществу и для них. Развитие техники преобразовывает как остальные условия жизни, так и условия общественного существования и совместной деятельности прежде всего тем, что оно доставляет человеку органы, которые существуют отдельно от его тела. Естественные орудия и

оружия, когти, зубы, рога и т. п. свойственны всем индивидам одного и того же вида (одинакового возраста и пола) в равной мере. Напротив того, искусственные орудия и оружие могут быть принадлежностью отдельных людей, и их могут быть лишены другие. Те, которые одни владеют подобными орудиями и оружием, живут при других условиях, чем те, которые их лишены. Так образуются различные классы, у которых одна и та же воля к жизни принимает различные формы.

Капиталист, например, при тех условиях, при которых он живет, не может существовать, если он не ставит себе целью получение прибыли. Его воля к жизни побуждает его к получению барышей, а воля к лучшей жизни—стремиться к умножению этих барышей. Уже это заставляет его увеличивать свой капитал. Но в том же направлении и в еще большей степени действует конкурентная борьба, которая угрожает ему гибелью, если он не в состоянии постоянно увеличивать свой капитал. Концентрация капиталов не есть автоматический процесс, происходящий помимо воли сознания его участников. Он был бы невозможен без сильной воли капиталистов разбогатеть и выбить из позиций своих слабейших конкурентов. Вне их воли и сознания лежит только тот факт, что результаты их желаний и стремлений создают условия социалистического производства. Этого капиталисты, конечно, не хотят. Но этим отнюдь не сказано, что воля человека и «громадная роль творческой личности» устранены из экономического процесса.

Та же воля к жизни,—воля, одушевляющая капиталиста, действует и на рабочих. Но соответственно различным условиям эта воля принимает у них другие формы. Не к барышам стремятся рабочие, а к продаже своей рабочей силы, к высоким ценам на нее и к низким ценам на средства существования; отсюда проистекают основание ими потребительных обществ и профессиональных союзов, их стремления к законам об охране труда, отсюда, наконец, рядом с тенденцией концентрации капиталов, вторая тенденция, которая обозначается, как врастание в социализм. Но и здесь это обозначает не бессознательный, помимо воли идущий прогресс, под которым обычно разумеют понятие «врастание»,

В общественном процессе принимается, наконец, во внимание еще другая сторона воли к жизни. При определенных условиях воля к жизни одного индивида или общества может осуществиться только путем преодоления воли к жизни других индивидов. Хищный зверь может жить только уничтожением других животных. Но часто его воля к жизни требует также вытеснения ему подобных, оспаривающих у него добычу или уменьшающих его корм. Это не требует уничтожения последних, но только подчинения их воли превосходству мускульной или нервной силы других.

У человека дело тоже доходит до подобного рода столкновений. Они происходят не столько между отдельными индивидами, сколько между обществами, и разгораются вокруг средств существования, вокруг мест охоты и рыбной ловли, вокруг рынков и колоний. Подобные столкновения кончаются всегда либо уничтожением одной стороны либо—и последнее чаще—полным или частичным сокрушением ее воли. В том и в другом случае перед нами происходящее явление. Но человек применяет при этом длительное покорение воли другого человека, устанавливая длительные отношения эксплоатации.

Классовые противоречия представляют собой противоречия волевых устремлений. Воля к жизни капиталистов сталкивается с условиями, которые побуждают их сломить волю рабочих и поработить себе последних. Без этого сокрушения воли нет капиталистической прибыли и не может существовать ни один капиталист. Но с другой стороны, воля к жизни рабочих побуждает их к восстанию против капиталистов. Отсюда—классовая борьба.

Итак, мы видим, что воля есть движущая сила всего экономического процесса. Воля образует его исходный пункт, ею проникнуты все его проявления. Нет ничего абсурднее взгляда, который усматривает в воле и в экономике два независимых друг от друга фактора. За этим скрывается фетишистское воззрение, которое заменяет экономику, т.-е. форму общественного сотрудничества и борьбы людей, волевыми об'ектами этой деятельности—сырыми материалами и орудиями производства. Отсюда ложное представление, что подобно тому, как человек пользуется по

своему благоусмотрению сырыми материалами и орудиями для создания определенных предметов, и свободная воля «творческой личности» использует экономику, чтобы сообразно потребностям этой личности «так или иначе» установить определенные общественные отношения. Экономический фетишист рассуждает так: если рабочий стоит вне сырья и орудий, стоит над ними и управляет ими, то человек, находясь вне экономики, стоит над нею и управляет ею по своей свободной воле. И так как сырье и орудия не обладают ни волей, ни сознанием, экономический фетишист думает, что и в экономике все совершается автоматически, без участия воли и сознания.

Нет ничего более смешного, чем это недоразумение.

Экономическая необходимость не исключает элемента воли. Она происходит из необходимости воли к жизни живого существа и неизбежности для него использовать при этом те жизненные условия, с которыми оно встречается. Экономическая необходимость представляет собою необходимость определенного волевого устремления.

Таким образом нет ничего более ошибочного, как представление, что признание экономической необходимости означает собой ослабление активности, что последнюю якобы нужно еще пробуждать в рабочих и притом биографиями генералов и других сильных волей мужей, а также докладами о свободе воли. Когда людей уверяют, что что-то существует, то это якобы уже существует и находится в их обладании. Кто уверовал в свободную волю, тот тем самым приобрел волю и притом свободную! Остается только полюбоваться, как много несокрушимой воли приобрели наши профессора и прочие буржуазные интеллигенты, прошедшие, с одной стороны, школу Канта, а с другой стороны, через поклонение сильным волей Гогенцоллернам!

Если бы на рабочих сильнейшим образом не действовала воля к жизни, первопричина всякой экономической необходимости, если бы эту волю нужно было искусственно в них пробуждать, тогда все наши стремления были бы тщетными.

Этим, однако, отнюдь не сказано, что волевые устремления человека не находятся в связи с его сознанием и

последним не определяются. Сила воли к жизни не зависит, конечно, от нашего сознания, но последнее определяет те формы, которые эта воля принимает в определенных случаях, и силу, которую она придает тем или другим из этих форм. Мы уже видели, что рядом с инстинктом и сознание направляет волю, и что ее формы зависят от со- знания в той мере и в той степени, в какой оно познает жизненные условия. Так как познавательная способность раз- личных индивидов различна, то их одинаковая воля к жизни может разно реагировать на одинаковые условия жизни. Это-то различие и создает видимость свободы воли, как будто характер желаний индивида зависит не от его жизнен- ных условий, а от его собственной воли.

Не назидательными легендами и не отвлеченными рассу- ждениями о свободе воли, а только углублением проникно- вения в общественные отношения можно в интересах проле- тариата повлиять на формы проявления его воли и на энергию, которую он употребляет в том или в другом случае.

Воля к жизни есть тот факт, из которого мы должны исходить, который мы должны предполагать заранее дан- ным. Формы, которые она принимает, и интенсивность ее проявления у отдельных индивидов, классов, наций и т. д. зависит от познания ими данных жизненных условий. Эти условия представляют собой **условия борьбы** там, где они у двух классов порождают противоречащие друг другу стремления.

Нас интересуют здесь только условия борьбы.

Воля, как жажда борьбы, определяется: 1) **наградой за борьбу**, привлекающей борцов, 2) **их чувством силы** (Kraftgefühl) и 3) **их действительной силой**.

Чем выше награда за борьбу, тем сильнее воля, тем больше дерзание борцов, тем сильнее напрягают они все свои силы для достижения цели. Но это имеет значение только тогда, когда есть уверенность в обладании силами и способностями, необходимыми для достижения победы. Но если нет необходимой веры в самого себя, тогда—пусть цель борьбы будет очень привлекательной—она не вызовет ни- какого волевого устремления, а только желание, которое

может быть чрезвычайно горячим, но не порождает никак- кого действия и практически совершенно бесцельно.

Чувство силы более, чем бесполезно, если оно покоится не на действительном познании собственной силы и силы противника, но попросту на иллюзиях. Сила без ощущения ее остается мертвой и не порождает никакого волевого устремления. Ощущение силы при отсутствии ее может при известных обстоятельствах привести к действиям, которые поразят и напугают противника, ослабят или надломят его волю, но длительного успеха без действительной силы до- стигнуть нельзя. Победы, выигранные не действительной си- лой, а только заблуждением противника относительно его сил, должны всегда рано или поздно потерпеть крушение и повлечь за собой тем большее падение духа, чем более блестящи были первые успехи.

Если мы применим сказанное к классовой борьбе про- летариата, то ясно, каковы задачи тех, кто хочет бороться вместе с пролетариатом и помогать ему, ясно также, как социал-демократия на него влияет. Первая и самая важная наша задача—умножение силы пролетариата. Эту силу мы, конечно, не можем увеличивать по произволу. Силы проле- тариата при данном состоянии капиталистического общества определяются его экономическими отношениями и не могут быть увеличены произвольно. Но влияние наличной силы можно усилить, противодействуя ее напрасной трате. Бес- сознательные процессы в природе обозначают бесконечную трату сил, если мы их рассматриваем с точки зрения нашей цели. Но у природы нет цели, которой она служила бы. Сознательная же воля человека ставит ему цели; она ука- зывает ему также пути, которыми они могут быть достигну- ты целесообразно, с минимальной затратой силы, без ее расточения.

Это приложимо и к классовой борьбе пролетариата. Уже с самого начала классовая борьба развивается при наличио- сти сознательности ее участников, но сознательная воля по- следних касается при этом их ближайших личных потреб- востей. Проистекающие из этой борьбы общественные пре- образования остаются зачастую скрытыми от боровшихся. Поэтому классовая борьба, как **социальный прогресс**,

долго является бессознательным прогрессом и, как таковой, страдает всяческим расточением сил, свойственным всем бессознательным движениям вперед. Только познание общественного процесса, его тенденций и целей, может положить конец этому расточению, может сконцентрировать силы пролетариата, сосредоточить их в большие организации, об'единенные великими целями и планомерно подчиняющие личные и диктуемые моментом выступления длительным классовым интересам, которые, в свою очередь, тоже служат общественному развитию в целом.

Другими словами, теория есть фактор, способствующий возможно более полному развертыванию сил пролетариата. Этот фактор учит наиболее целесообразному потреблению пролетариатом данных ему экономическим развитием сил и противодействует их расточению.

Теория увеличивает, однако, не только силу влияния пролетариата, но и сознание им своей силы. А это не менее необходимо.

Мы видели, что воля определяется не только сознанием, но также привычками и инстинктами. Отношения, постоянно повторяющиеся на протяжении десятилетий или столетий, порождают привычки и инстинкты, которые продолжают действовать, когда их материальные основы уже исчезли. Класс, который раньше господствовал, благодаря превосходству своих сил, может уже давно быть ослаблен, а класс им эксплоатируемый, раньше слабый и потому подчинявшийся эксплоатирующему классу, может стать сильным. Но ранее установившееся ощущение силы еще долго действует с обоих сторон, пока не наступит испытание силы, например, война, которая сделает очевидной всю слабость господствующего класса. Тогда угнетенные вдруг сознают свою силу, дело доходит до революции и неожиданного крушения.

Точно так же и в пролетариате долго действует ощущение своей первоначальной слабости и вера в непобедимость капитала.

Капиталистический способ производства возник в ту пору, когда массы пролетариев жили беспомощными, лишенными крова, как паразитические, совершенно ненужные для

общества существа. Капиталист, который брал их к себе на службу, становился их спасителем, их «кормильцем» или «работодателем», как говорят теперь, и что звучит отнюдь не лучше.

Воля к жизни заставляла рабочих продавать себя. Другой возможности существования кроме этой они не видели; так же мало они видели возможность оказать сопротивление капиталисту. Но соотношение постоянно изменялось. Пролетарии из обременяющих общество нищих, которым дают занятие из сострадания, становятся рабочим классом, за счет которого живет все общество; напротив того, личность капиталиста постоянно все более становится излишней для дальнейшего развития производства. Акционерные общества и тресты показывают это воочию. Отношения найма из экономической необходимости все более превращаются только в отношение силы, поддерживаемое властью государства. А пролетариат становится наиболее многочисленным классом в государстве и в армии, на которую опирается власть государства. Если бы пролетариат в промышленно высокоразвитом государстве, как Германия и Англия, обладал силой, чтобы захватить государственную власть, он нашел бы уже теперь экономические условия для использования государственной власти с целью вытеснения капиталистического производства общественным.

Но пролетариату не хватает сознания своей силы. Лишь отдельные слои обладают этим сознанием; в классе, как целом, оно отсутствует. Социал-демократия делает все возможное для того, чтобы пробудить это сознание. Она способствует этому не только теоретическим просвещением; действие всегда сильнее всякой теории влияет на формирование сознания собственной силы. Социал-демократия яснее всего демонстрирует пролетариату его силу успехами в борьбе против врага и тем самым скорее всего повышает его ощущение собственной силы. Это относится к успехам, которыми социал-демократия обязана тому обстоятельству, что она руководится теорией, дающей возможность сознательной, организованной части пролетариата в любой момент развернуть максимум находящейся в его распоряжении силы.

За исключением англо-саксонского мира, профессиональ-

ное движение было вызвано и оплодотворено теорией социал-демократии.

На ряду с успехами профессионального движения стоят победоносная борьба вокруг парламентов и в парламентах, которая вызвала мощный под'ем ощущения силы и самой силы пролетариата. Этими успехами мы обязаны не только тем материальным выгодам, которые при этом выпадают на долю отдельных слоев пролетариата, но прежде всего тому обстоятельству, что неимущие народные массы, до сих пор забитые и отчаявшиеся, увидели выступление силы, которая смело начала борьбу со всеми сильными мира сего, выигрывала победу за победой и сама при этом являлась только организацией этих неимущих.

На этом основано великое значение первомайского праздника, борьбы за всеобщее избирательное право и избирательных кампаний. Не всегда они приносят с собой значительные материальные выгоды для пролетариата, зачастую эти выгоды не находятся в соответствии с жертвами борьбы, и все же эти кампании, когда они победоносны, всегда означают огромный прирост силы пролетариата, так как они мощно повышают ощущение им своей силы, а тем самым и энергию его активности в классовой борьбе.

Наши враги более всего боятся роста ощущения пролетариатом своей силы. Они знают, что этот великан для них не опасен, пока он не сознает своей силы. Они больше всего заботятся об удержании его ощущения силы в приниженном состоянии; даже материальные уступки для них менее ненавистны, чем моральные победы рабочих, которые поднимают чувство собственного достоинства у последних. Поэтому наши противники часто с большей энергией борются за самодержавие на фабрике, за власть «господина в своем собственном доме», чем против повышения заработной платы; отсюда их ожесточенная вражда к прекращению работ в день майского праздника; отсюда их стремление уничтожить всеобщее, равное избирательное право повсюду, где оно становится средством воочию демонстрировать населению победоносный и неудержимый рост социал-демократии. Не боязнь социал-демократического большинства руководит ими в этом случае; ведь можно спокойно

обождать еще несколько выборных кампаний, нет, это — боязнь, что постоянные избирательные победы социал-демократии должны внушить пролетариату такое ощущение своей силы и так запугать его противников, что он станет непобедимым, что средства государственной власти перестанут действовать, и соотношение сил в государстве совершенно изменится.

Мы должны быть поэтому готовы к тому, что наша ближайшая большая победа на выборах приведет к нападению на существующее избирательное право в рейхстаг. Этим я отнюдь не хочу сказать, что это нападение удастся. Оно скорее всего может вызвать такие битвы, которые в конце-концов подготовят существующей власти еще более тяжелые и опасные поражения, чем наши победы на выборах.

Все же наша партия должна отмечать не только свои победы, но и свои поражения. Однако последние вызывают тем меньшее падение духа, чем более мы привыкаем возвышаться над ограниченностью времени и места, следя за нашим движением во всей его совокупности у всех наций на протяжении жизни двух человеческих поколений. Неудержимое и быстрое движение вперед пролетариата в целом, несмотря на отдельные весьма тяжелые поражения, становится тогда настолько очевидным, что ничто не сможет ослабить нашу уверенность в победе.

Однако, чем больше мы пытаемся рассматривать наши отдельные битвы в их связи с совокупным общественным развитием, тем яснее и разительнее предстает перед нами конечная цель всех наших стремлений — освобождение рабочего класса, а тем самым и всего человечества от какого бы то ни было классового господства, тем больше облагораживается наша повседневная работа, которую воля к жизни непрерывно и необходимейшим образом навязывает пролетариату; тем в большей степени величие конечной цели напрягает волю пролетариата к революционной страстности, которая является не безрассудным возбуждением, а продуктом ясного познания.

Это и есть способ, которым социал-демократия до настоящего времени действовала на волю пролетариата, и социал-

[illegible]

5. Ни революция во что бы то ни стало, ни законность во что бы то ни стало.

С одной стороны, нас, марксистов, упрекают в том, что мы устраняем волю из политики и изображаем [illegible] как автоматический прогресс; но с другой стороны, те же самые критики утверждают как раз противоположное, что волевые устремления стоят у нас выше, чем познание действительности. Познание действительности должно бы убедить нас в невозможности какой бы то ни было революции, мы же из простого фанатизма крепко держимся за идею революции и опьяняемся ею. Мы стремимся к политической революции во что бы то ни стало, ради нее самой, даже в том случае, когда мы, идя путем законности, могли бы скорее продвинуться вперед.

Пытаются, между прочим, поставить меня в противоречие с Фридрихом Энгельсом. Последний, будучи раньше всегда очень революционно настроен, незадолго перед смертью якобы «поумнел», сознал несостоятельность своей революционной точки зрения и признал это.

Правда, что Энгельс в 1895 году в своем известном предисловии к Марксовой «Классовой борьбе во Франции» указал, как сильно изменились условия революционной борьбы по сравнению с 1848 годом. Для того, чтобы победить, мы должны были бы иметь за собой большие массы, которые знают, что «надо делать», и мы, революционеры-ниспровергатели, успели бы гораздо больше, применяя законные средства, чем при незаконных средствах и насильственном перевороте. Но не надо забывать, что Энгельс относил это только к тогдашней ситуации. Кто хочет знать, как надо понимать положение Энгельса, должен их сравнить с его письмами, на которые я недавно указал в «Neue Zeit» (XXVII, 1, стр. 7). Из этих писем явствует, что Энгельс энергично протестовал против изображения его «[illegible]

[illegible] законности во что бы то ни стало». [illegible] в «Neue Zeit» [illegible].

«Введение» к Марксовой «Классовой борьбе» [illegible] марта 1895. Несколько недель спустя [illegible] в свет. Я просил Энгельса разрешить мне [illegible] это введение в «Neue Zeit» до выхода книги в свет.

На это он мне 25 марта ответил:

«На твою телеграмму я тотчас же ответил: с удовольствием. Корректурный оттиск текста следует под заглавием: Введение Ф. Э. к новому изданию Марксовой Классовой борьбы во Франции в 1848—50 годах. В тексте сказано, что содержание книги представляет собой перепечатку старых статей из обозрений «N. Rh. Z.» («Новой Рейнской Газеты»). Мой текст несколько пострадал вследствие советов наших берлинских друзей из-за опасений, возникших вследствие законопроекта о ниспровержении (Umsturzvorlage),— советов, с которыми я при настоящих обстоятельствах должен был считаться».

Чтобы понять это, нужно вспомнить, что так называемый Umsturzvorlage, который усиливал строгость существующих законов для затруднения социалистической пропаганды, был внесен в германский рейхстаг 5 декабря 1894 года и передан им 14 января в комиссию, где он обсуждался в продолжение трех месяцев (до 25 апреля). Как раз в это время было написано введение Энгельса.

Насколько серьезным Энгельс считал положение, становится ясным из другого места того же самого письма, там он писал:

«Реформу избирательного права, которая приведет нас в парламент, я считал абсолютно неизбежной в Австрии, если только не наступит внезапно период всеобщей реакции. В Берлине, видно, усиленно работают в этом направлении, но ведь там семь пятниц на одной неделе».

Еще раньше, 3 января, непосредственно перед тем, как Энгельс закончил составление введения, он писал мне:

«Вам предстоит, кажется, очень оживленный год в Германии. Если господин ф. Келлер будет продолжать в том же духе, то все возможно: конфликт, роспуск рейхстага, госу-

Но поможет ли это? Сила может подавить маленькую секту в ограниченной области, но нужно еще изобрести силу, которая могла бы истребить партию, насчитывающую два или три миллиона людей и распространившуюся по большому государству. Временный перевес контр-революции может, пожалуй, отсрочить на несколько лет торжество социализма, но только для того, чтобы это торжество было более полным и окончательным» (X, 1, стр. 583).

На это место, равно как и на соответствующие письма, должен обратить внимание всякий, кто хочет правильно понять цитаты из Энгельсова «Введения» о законности, при которой мы преуспеваем. Они меньше всего означают отказ от идеи революции.

Они означают, конечно, решительное отклонение от взгляда, что мы якобы ставим все на карту грядущей революции, и будто последняя должна повториться просто по образцу 1830 и 1848 годов. Но ошибается тот, кто думает, что моя точка зрения противоречит точке зрения Энгельса. На самом же деле я еще до «Введения» Энгельса, в иной связи и в другой форме, развивал ход мыслей, подобный тому, который мы находим у Энгельса.

В 12-ом томе «Neue Zeit» в декабре 1893 года я опубликовал статью о «Социал-демократическом катехизисе», в которой я обстоятельно разбирал вопрос о революции. Я писал:

«Мы — революционеры, и притом не просто в том смысле, в каком революционна паровая машина. Социальный переворот, к которому мы стремимся, может быть достигнут только посредством политической революции, посредством завоевания политической власти борющимся пролетариатом. И та государственная форма, при которой только и может быть осуществлен социализм, есть республика, и притом в общепринятом смысле этого слова, т. е. республика демократическая.

Социал-демократия — партия революционная, но отнюдь не партия, фабрикующая революции. Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только путем революции, но мы знаем также, что как мы не можем сделать революции, так наши противники не в силах ей воспрепятствовать. Поэтому нам вовсе не приходит в голову затеять революцию или

подготовлять ее. А так как революция не может быть сделана по нашему произволу, то мы ничего не можем сказать о том, когда, при каких условиях и в каких формах она наступит. Мы знаем, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом не окончится, пока пролетариат не добьется полного обладания политической властью, которой он воспользуется для введения социалистического строя. Мы знаем, что эта классовая борьба должна все более шириться и становиться интенсивнее, что пролетариат все более растет численно и в отношении своей моральной и экономической силы, и что его победа и поражение капитализма поэтому неизбежны. Но мы можем строить только весьма неопределенные предположения о том, когда и как произойдут последние и решающие бои в этой социальной войне. Все это не ново...

Так как мы ничего не знаем о решительных битвах социальной войны, то мы, конечно, так же мало можем сказать о том, будут ли они кровавыми, будет ли в них играть значительную роль физическая сила, или они будут выиграны исключительно мерами экономического, законодательного и морального давления.

Можно, однако, сказать, что имеется на лицо полная вероятность, что в революционных битвах пролетариата средства последнего рода будут превалировать над средствами физическими, т. е. военной силой, более, чем это имело место в революционной борьбе буржуазии.

Первая причина, почему грядущие революционные битвы реже придется выигрывать военными средствами, лежит, как в этом уже неоднократно убеждались, в колоссальном превосходстве вооружения правительственных армий над оружием, находящимся в распоряжении «штатских», — в превосходстве, которое, как общее правило, делает сопротивление «штатских» наперед безнадежным.

С другой стороны, в распоряжении революционных слоев теперь находятся лучшие оружия экономического, политического и морального сопротивления, чем в XVIII столетии. Только Россия составляет в этом отношении исключение.

Свобода коалиций, свобода печати и всеобщее избирательное право (при некоторых обстоятельствах и всеобщая

Из двух противников при одинаковых условиях кровие скорее всего сохранит тот, кто чувствует свое пре восходство. Напротив того, кто не верит в себя и в сво дело, тот слишком легко теряет спокойствие и самообладани

Но во всех странах современной культуры пролетариат представляет собой тот класс, который более всего верит в себя и в свое дело. Для этого ему вовсе не надо предаваться иллюзиям; ему достаточно обозреть историю последнего по коления, чтобы видеть, как она всюду охвачена непрерывным стремлением вперед; ему достаточно только проследить ее временное развитие, чтоб почерпнуть отсюда уверенность в неизбежности его победы. Отсюда, однако, не следует сде дать, что пролетариат в какой-нибудь стране, где он достиг наиболее высокого развития, легко потеряет спокойствие и самообладание и поведет политику приключений. Этого ли менее следует ожидать, чем выше в то же время образование и дальновидность рабочего класса, и чем более демократично государство.

Но этой уверенности в своих силах отнюдь нельзя приписать господствующим классам. Они чувствуют и видят, что они с каждым днем становятся слабее; они становятся все более нервозными и пугливыми и потому нерассчетливыми. Они все более и более приходят в такое состояние, когда надо быть готовым к тому, что они, охваченные внезапным припадком слепой ярости, бросятся на противника, чтобы поразить его, не заботясь о всех тех ранах, которые они таким образом наносят обществу в целом и самим себе, не заботясь о тех непоправимых опустошениях, которые они произведут.

Политическое положение пролетариата позволяет ожидать, что он будет стараться возможно дольше обойтись применением одних только вышеупомянутых «законных» методов. Опасность, что пролетариат может отказаться от этого стремления, лежит в особенности в нервозном настроении господствующих классов.

Государственные мужи господствующих классов больше всего желают, чтоб подобный припадок бешенства наступил по возможности, не только у одних господствующих классов, но и у индифферентных масс. Они добиваются, чтоб

это произошло возможно скорей, раньше чем социал-демократия будет настолько сильна, чтобы оказать противодействие такому припадку. Это сулит им единственную надежду, что победа социал-демократии будет отсрочена по крайней мере на несколько лет. Все же буржуазия в этом случае играет ва-банк. Ибо, если ей не удастся в этом припадке бешенства нанести поражение пролетариату, она, обессиленная, тем скорее потерпит крушение, и тем раньше наступит торжество социал-демократии. Но политикам господствующих классов теперь большей частью свойственно настроение, при котором они полагают, что им ничего более не остается, как поставить все на карту. Они хотят провоцировать гражданскую войну из страха перед революцией.

Социал-демократии, напротив того, нет никаких оснований прибегать к подобного рода политике отчаяния; она скорее имеет все основания заботиться о том, чтобы припадок ярости власть имущих, если он уже неизбежен, был возможно дольше отсрочен, с тем, чтобы он наступил только тогда, когда пролетариат, достаточно окрепший, смог бы без дальних слов повалить бесчинствующегося и связать его. Тогда этот припадок будет последним, и произведенные им опустошения и вызванные им жертвы будут возможно менее значительны.

Социал-демократия должна поэтому избегать и даже бороться с тем, что явилось бы бесцельной провокацией господствующих классов, и что дало бы их государственным мужам опорный пункт, чтобы привести буржуазию и ее приверженцев в состояние социалистопожирательного бешенства. Когда мы заявляем, что революций нельзя фабриковать, когда мы считаем неразумным и даже вредным «затеять» революцию, и когда мы соответственно с этим поступаем, то это происходит не в угоду немецким властям, а в интересах борющегося пролетариата. И германская социал-демократия в этом отношении солидарна со всеми братскими для нее партиями. Благодаря этой тактике государственным мужам господствующих классов до сих пор не удавалось в борьбе с пролетариатом достигнуть таких результатов, каких им очень хотелось бы.

Как ни мало относительно политическое влияние социал-

демократии, все же она в современном государстве уже столь-
ком могущественна, чтобы буржуазные политики могли упра-
вляться с нею вполне по своему произволу. Незначительные
мероприятия буржуазным политикам вовсе не помогают, эти
мероприятия только озлобляют тех, кого они коснулись, но
не запугивают их и не ослабляют их способности к борьбе.
Но всякая попытка проведения решительных мер, могущих
сделать пролетариат неспособным к борьбе, грозит опасно-
стью гражданской войны, которая, каков бы ни был ее исход,
во всяком случае принесет с собой огромные опустошения.
Это в настоящее время знает всякий до некоторой степени
дальновидный человек. И какие бы ни были у буржуазных
политиков основания желать, чтобы социал-демократия была
бы возможно скорей поставлена пред испытанием силы, для
которого она еще, может быть, в настоящее время не дорос-
ла, буржуазные дельцы вовсе не хотят слышать об эксперi-
менте, способном каждого из них разорить,—по крайней мере
до тех пор, пока они трезвы и пока их не настиг упомянутый
выше припадок бешенства. В последнем случае буржуа, ко-
нечно, на все способен, и чем сильнее его страх, тем более
свирепо он будет требовать крови.

Интересы пролетариев теперь повелительнее, чем когда
бы то ни было, требуют, чтобы он избегал всего того, что
способно бесцельно провоцировать господствующие классы
на политику насилия. Соответственно с этим и поступает со-
циал-демократия.

Существует, однако, течение, именующее себя пролетар-
ским и социалистически революционным, которое ставит
своей главнейшей задачей, на ряду с борьбой против социал-
демократии, провоцирование политики насилия. То, о чем
тоскуют государственные мужи господствующих классов, и
что единственно еще способно остановить победное движе-
ние пролетариата,—именно это является главным делом того
течения, которое пользуется даже явным благоволением Пут-
камера и К°. Приверженцы этого течения стараются не сде-
лать буржуазию, а привести ее в бешенство.

Поражение Парижской Коммуны 1871 года, как уже упо-
мянуто, было последним крупным поражением пролетариата.
С той поры он в большинстве стран, благодаря его вер-

описанному методу, постоянно шел вперед, медленнее, чем
мы желали бы; но вернее, чем какое бы то ни было из более
ранних революционных движений.

Со времени 1871 года пролетарское движение только в
некоторых случаях терпело поражение, и всякий раз вина
за это лежала в применении отдельными личностями средств,
которые по теперешней терминологии обозначаются, как
анархистские, и которые соответствуют проповедуемой
большинством современных анархистов «пропаганде дей-
ствием». Здесь надо указать на вред, который причинили анар-
хисты Интернационалу и революционному восстанию в Испа-
нии в 1873 году. Пять лет спустя после этого восстания
наступил припадок всеобщего бешенства, вызванный поку-
шениями Геделя и Нобилинга; без этих покушений Бисмарку
едва ли удалось бы провести закон против социалистов;
этот закон ни в коем случае не применялся бы так сурово,
как он применялся в первые годы его существования—у не-
мецкого пролетариата были бы сбережены гигантские жертвы,
и его победное шествие не замедлилось бы ни на одно мгно-
вение.

Следующее поражение, понесенное рабочим движением,
имело место в Австрии в 1884 году вследствие мошенниче-
ства и зверства Каммерера, Штельмахера и К°. Мощно рас-
цветавшее социалистическое движение было там разбито
одним ударом без всякого следа сопротивления, будучи пода-
влено не властями, а всеобщей яростью населения, которое воз-
водило на социализм вину за деяния названных анархистов.

Следующее поражение произошло в Америке в 1886 году.
Рабочее движение в ту пору развивалось там быстро и мощно.
Оно шло гигантскими шагами вперед так быстро, что не-
которые наблюдатели считали почти возможным, что оно в
короткое время обгонит европейское движение и станет во
главе его. Весною 1886 года рабочий класс Соединенных Шта-
тов предпринял сильную кампанию за завоевание 8-часово-
го рабочего дня. Рабочие организации разрослись до ко-
лоссальных размеров, стачка следовала за стачкой, ликую-
щее воодушевление господствовало в рядах рабочих, и со-
циалисты, во всем первые и наиболее решительные, начали
овладевать руководством движения.

Но вот в одном из многочисленных столкновений между полицией и рабочими, которые имели тогда место, в Чикаго были брошены бомбы. До сих пор еще не установлено, кто был виновником этого. Казненные 11 ноября по этому делу анархисты и их товарищи, приговоренные к продолжительному тюремному заключению, стали жертвой судебного убийства. Но это деяние соответствовало тактике, постоянно проповедуемой анархистами; оно дало волю ярости всей американской буржуазии, сбило с толку рабочих и дискредитировало социал-демократов, которых не умели, а зачастую и не хотели отличать от анархистов. Борьба за восьмичасовой рабочий день кончилась поражением рабочих. Рабочее движение потерпело крушение, и социал-демократия была низведена к ничтожной силе. Социал-демократия только постепенно начинает теперь опять делать успехи в Соединенных Штатах.

Единственные значительные уроны, понесенные рабочим движением в течение двадцати лет, были вызваны поступками, совершенными анархистами или по меньшей мере соответствовавшими проповедуемой ими тактике. Только благодаря этому стали возможны закон против социалистов в Германии, исключительное положение в Австрии и судебные убийства в Чикаго со всеми их последствиями...

Возможность, что анархизм вновь когда-нибудь и где-нибудь овладеет массами, в настоящее время менее вероятна, чем когда бы то ни было.

Двумя главнейшими причинами, которые сделали массы восприимчивыми к анархизму, были недостаток дальновидности и безнадежность, даже очевидная невозможность достигнуть хотя бы малейшего улучшения путем политической борьбы.

В первой половине 80-ых годов, когда рабочие Австрии и Соединенных Штатов массами дали себя увлечь трескучими фразами анархистов, мы в обоих этих странах находим необыкновенно быстрый рост рабочего движения, несмотря на одновременное почти полное отсутствие вождей. Рабочие батальоны состояли тогда только из необученных рекрутов, без знаний, без опыта и без офицеров. К этому присоединялась еще очевидная невозможность потрясти политической

борьбой господство капитала. В Австрии у рабочих не было избирательного права и никакой надежды добиться его в ближайшее время законным путем. В Америке у рабочих не было надежды покончить политическими средствами с государственной коррупцией [1]).

Не только в этих двух странах, но и в других в начале восьмидесятых годов, во всем рабочем движении проявилось пессимистическое течение.

Теперь это всюду изменилось к лучшему.

Но в Австрии было еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее успеху анархизма: массы потеряли доверие к социал-демократии. Когда политические и экономические средства борьбы германского пролетариата—организация и печать—подпали под действие закона против социалистов, выплывший в ту пору анархизм сумел доказать рабочим Австрии, что партия, приведенная к молчанию, бросила оружие и отреклась от своих основных революционных принципов. Австрийские социал-демократы, защищавшие своих германских товарищей, добились этим в глазах большинства австрийских рабочих не реабилитации германских товарищей, а лишь собственного дискредитирования. Один прокурор, граф Ламецан, оказывал помощь анархистам, которые были ему, конечно, любезнее, и с презрением заявил,

---

[1]) В одном из последних номеров органа наших американских собратьев „Вперед" мы находим отчет о речи недавно освобожденного из тюрьмы *Михаила Шваба*, одного из жертв дела 1886 г. о бомбах. Он признал, что анархистская тактика неправильна и неразумна. Но он при этом об'ясняет также, как анархизм мог в 80-х годах распространиться в Чикаго: „Нужно как можно чаще повторять, что эта (анархистская) тактика нашла почву в Чикаго только после того, как один судья решил, что по отношению к коммунистам допустимы подлоги с избирательными записками. Большинство из вас помнит о выборах, которые вторично призвали Франка Шгауберя в городскую думу. Результат выборов был самым наглым образом фальсифицирован двумя судьями по избирательным делам. Это было установлено под присягой полицейскими и другими свидетелями, а также сухим признанием обвиняемых в заключительных прениях, которые отодвигались возможно дальше. И судья оправдал мошенников! Возмущение среди рабочих было всеобщим, и они ничего не хотели больше знать о методах борьбы, которым следовали раньше. С тех пор многие из нас убедились, что в политике нельзя руководиться только голосом чувства".

что социал-демократы только «революционеры в помыслах».

Анархисты и теперь изо всех сил стараются доказать рабочим, что социал-демократы революционеры в шлафроке. До сих пор они таким путем не добились никакого успеха. Но если когда-нибудь станет возможным возникновение значительного анархистского движения в Германии, то не как результат агитации «независимых» [1], а лишь как следствие двух явлений: либо наступления господствующих классов, которое вызовет в трудящихся массах состояние безнадежности и очень сильно повредит распространению сознательности среди них; либо в результате заявлений из нашей среды, которые подали бы повод считать, что мы отказываемся от наших революционных принципов. Чем «умереннее» мы будем, тем больше мы будем лить воду на мельницу анархистов и оказывать таким образом помощь как раз тому движению, которое больше всего старается поставить на место культурных форм борьбы самые грубые формы ее. Можно сказать, что в настоящее время только один момент мог бы побудить пролетарские массы добровольно отвернуться от изложенных выше «мирных» методов борьбы: потеря веры в революционный характер нашей партии. Мирному развитию мы могли бы только повредить слишком мирной тактикой.

Нам не нужно доказывать, какое бедствие вызвало бы всякое такое колебание тактики.

Враждебность имущих этим не уменьшится, и надежные друзья тоже не приобретутся, но в наши собственные ряды внесется смятение; равнодушные станут еще равнодушнее, а более энергичные уйдут.

Великий рычаг наших успехов есть революционный энтузиазм. Мы будем нуждаться в нем в будущем еще больше, чем когда бы то ни было, так как самое трудное еще впереди, а не позади нас. Тем хуже будет влиять все то, что способно ослаблять этот рычаг.

---

[1] Речь идет, конечно, не о независимых с.-д., отколовшихся от германской с.-д. во время войны, а о группе „независимых" или „молодых социал-демократах" с Бруно Вилле, Шиппелем и Камифмейером во главе, отколовшихся от партии в начале 90-х годов. *Прим. перев.*

Но современное положение таит в себе опасность, что мы легко можем показаться более «умеренными», чем на самом деле. Чем сильнее мы становимся, тем больше практические задачи выступают на передний план, тем больше мы должны выносить нашу агитацию за пределы промышленного пролетариата, тем больше мы должны остерегаться вредной провокации или совсем пустых угроз. При этом очень трудно соблюсти правильную меру, отдавать должное настоящему, не теряя из поля зрения будущее, подойти к ходу мысли крестьян и мелкой буржуазии, не сходя с пролетарской точки зрения, избегать по возможности вызывающих действий и все же в общем приводить к сознанию, что мы — партия борьбы, непримиримой борьбы против всего существующего общественного порядка».

Все это из статьи 1893 года. И здесь мы находим сбывшееся предсказание. То, чего я опасался в 1893 году, наступило несколько лет спустя. Во Франции часть наших партийных товарищей временно стала правительственной партией. У масс получилось впечатление, что социал-демократия отреклась от своих революционных принципов; массы потеряли доверие к партии, и они поэтому в значительной своей части впали в новейшую разновидность анархизма — в с и н д и к а л и з м, который так же, как и старый анархизм пропаганды действием, думает больше всего не об усилении пролетариата, а о бесполезном запугивании буржуазии, о доведении ее до бешенства и о провоцировании несвоевременных испытаний силы, для которых пролетариат при данных условиях еще не вырос.

Среди французских социалистов как раз революционные марксисты решительнее всех выступают против этой политики. Революционные марксисты борются с синдикализмом так же энергично, как и с министериализмом, считая их одинаково вредными.

Они и ныне [1]) еще стоят на той точке зрения, которую развивали Энгельс и я в своих вышецитированных статьях 1892—1895 годов.

---

[1] К сожалению, во время войны французские марксисты и даже Гэд повели политику соглашательства с буржуазией во имя „священного единения всех классов". *Прим. перев.*

Мы не сторонники закономерности во что бы то ни стало, но и не революционеры во что бы то ни стало. Мы знаем, что исторические ситуации не могут быть созданы по произволу, и что наша тактика должна быть с ними сообразована.

В начале девяностых годов я признал, что дальнейшее мирное развитие пролетарских организаций и пролетарской классовой борьбы на основе существующих государственных условий в ситуации тогдашнего времени продвинет пролетарское дело далеко вперед. Меня таким образом нельзя упрекнуть в опьянении революцией и радикализмом, когда наблюдение современного положения приводит меня ко взгляду, что с начала девяностых годов условия коренным образом изменились, и мы имеем все основания полагать, что мы теперь вступили в период борьбы за государственные учреждения и государственную власть, в период битв, которые могут тянуться десятилетиями при самых различных превратностях судьбы,—битв, формы и продолжительность которых теперь еще трудно установить, которые, однако, по всей вероятности, уже в ближайшее время приведут к значительному изменению соотношения сил в пользу пролетариата, если не к полному единовластию его в Западной Европе.

Основания этого воззрения развиты ниже.

6. Рост революционных элементов.

Мы уже видели, что марксисты вообще отнюдь не были такими плохими пророками, какими их часто представляют, но что некоторые из них все-таки ошибались в одном, а именно в указании момента великих революционных битв и крупных политических потрясений.

Какие же основания существуют у нас для того, чтобы думать, что теперь, наконец, приближается давно и страстно ожидаемый момент, когда прекратится политический застой и снова начнется веселая жизнь борьбы за завоевание политической власти.

Энгельс вполне правильно указал в уже упомянутом предисловии к Марксовой «Классовой борьбе», что великие революционные битвы при современных условиях могут вестись только великими народными массами, понимающими, к чему они стремятся. Прошли те времена, когда небольшое меньшинство путем неожиданных и энергичных действий могло свергнуть государственную власть и на место ее поставить новую.

Это было возможно в централизованных государствах, в которых вся политическая жизнь сосредоточивалась в столице, господствовавшей над всей страной, где деревня и небольшие города не обнаруживали следа понимания политической жизни и не сознавали своей взаимной связи. Кому удавалось парализовать армию и бюрократию или привлечь их на свою сторону, тот мог захватить государственную власть, а если общее положение дел требовало социальной революции, то и действовать в этом направлении.

В настоящее время, в эпоху железных дорог, телеграфов, газет и народных собраний, когда в государстве имеется много промышленных центров, когда войска вооружены магазинными ружьями и другим усовершенствованным оружием, стало невозможно для меньшинства победить войско столицы, если оно не было уже ранее совершенно дезорганизовано; точно так же совершенно невозможно ограничить политическую борьбу одной столицей. Политической жизнью живет теперь вся страна.

Где существуют эти условия, там можно ожидать крупного политического потрясения, которое уничтожит враждебный народу режим только тогда, когда осуществлены следующие условия:

1) Этот режим должен быть решительно враждебен всей массе народа.

2) Должна существовать крупная и стоящая в непримиримой оппозиции партия, связанная с широкими массами.

3) Эта партия должна защищать интересы громадного большинства населения и пользоваться его полным доверием.

4) Должно быть поколеблено доверие к силе и устойчивости господствующего режима у самих орудий его—у войска и бюрократии.

За последние десятилетия нигде еще—по крайней мере в Западной Европе—все эти условия никогда не были одновременно осуществлены. В течение долгого времени проле-

тариат не представлял большинства населения, а социал-демократия не была сильнейшей партией. Если несколько тому назад мы ожидали скорого наступления революции, то мы при этом рассчитывали не только на пролетариат, но и на мелко-буржуазную демократию, как на революционную массу вообще, на стоящие за ней массы мелкой буржуазии и крестьянства. Но буржуазная демократия в этом отношении оказалась совершенно несостоятельной. В настоящее время она играет в Германии роль только оппозиционной партии.

С другой стороны во всех крупных государствах Европы, за исключением России, с 1870 года прекратилась та неустойчивость положения, которая так до этого времени господствовала. Правительства упрочили свое положение; они увеличили свою силу и устойчивость. И каждое из них сумело внушить своему народу уверенность, что оно защищает его интересы.

Таким образом именно в первые десятилетия возникновения прочного и самостоятельного рабочего движения, т.-е. с шестидесятых годов прошлого столетия, возможность новой политической революции в течение некоторого времени становилась все меньше, тогда как пролетариат все более нуждался в ней и по примеру прошлых семи десятилетий считал близким наступление ее.

Но постепенно условия изменяются в его пользу. Растет организация пролетариата. Очевиднее всего это проявляется, может быть, в Германии. За последние двенадцать лет этот рост был особенно быстр. Мы видели в это время, что организация социал-демократии возросли на полмиллиона членов, а организация духовно тесно с ней связанных профессиональных союзов на два миллиона человек. В то же время выросла их пресса—дело этих организаций, а не частных предпринимателей. Политические ежедневные газеты увеличили свой тираж приблизительно на миллион, а профессиональные по большей части еженедельные, журналы и того более.

Это представляет такую организованную силу эксплоатируемых рабочих масс, какой еще никогда не видала история.

Превосходство господствующих классов над угнетенными до настоящего времени основывалось в значительной степени на том, что в руках первых была организованная сила го-

сударственной власти, в то время, как классы угнетенные не были почти совсем организованы или по крайней мере не были организованы на пространстве всего государства. Не надо сказать, что у рабочих классов совсем не было организаций. Но в древности и в средние века до нового времени это были или организации отдельных замкнутых профессий или они охватывали только отдельные, ограниченные местности; это были или цеховые или коммунальные или областные организации. Общины при известных обстоятельствах могут служить очень сильным оружием против государственной власти. Нет ничего более ошибочного, как смешивать без различия государство и общину и рассматривать их как одинаковые организации классового господства. Община может быть таковой и бывает ей очень часто, но она может также быть внутри государства защитницей угнетенных классов, если они образуют в этой общине большинство и захватывают в ней господство. Наиболее ярко эта сторона деятельности общины в различные времена проявлялась у Парижской Коммуны. Коммуны становились иногда организациями низших классов общества.

Но перед лицом современного могучего государства отдельная община в настоящее время не может уже удержать свою самостоятельность. Тем важнее становится для низших классов создание организаций, охватывающих все государство и самые разнообразные виды профессий.

Лучше всего это удалось в Германии. Не только во Франции, но также и в Англии профессиональные и политические организации все еще очень раздроблены. Но как бы сильно ни разбилась политическая партия, она никогда не будет в нормальное, не революционное время охватывать всю совокупность рабочего класса в государстве, а только лучшую его часть, которой профессиональные, или местные или личные условия помогли подняться над массой населения. Напротив того, в революционные времена, когда даже наиболее слабые чувствуют себя способными к борьбе и стремятся к ней, притягательная сила классовых организаций зависит только от величины тех классов, интересы которых они защищают.

Здесь надо заметить, что класс наемных рабочих составляет в настоящее время большинство не только населения, но и даже большинство избирателей Германии.

Точных данных относительно распределения рабочего населения по переписи 1907 г. еще не имеется; можно пользоваться только цифрами 1895 года. Сравнив эти последние с результатами выборов 1893 г., получим следующие результаты:

В 1893 г. число избирателей достигло 10,628,392 (с другой стороны, в 1895 г. насчитывалось 15,506,482 мужчин способных к работе. Отбросим отсюда тех, которые не достигли 20 лет, а также половину тех, которые имеют от 20 до 30 лет. Тогда мы получим 10,742,989 чел., как приблизительное число мужчин, способных к работе в избирательном возрасте. Это число почти совпадает с числом избирателей в 1893 году.

Из мужчин рабочих избирательного возраста в земледелии, промышленности и торговле было (высчитывая это количество вышеуказанным способом): 4,172,269 самостоятельных хозяев и 5,509,743 наемных рабочих и служащих. Если же принять во внимание, что только в промышленности и торговле из 3,144,977 предприятий более половины (1,714,351) были предприятиями, в которых занят один человек, и владельцы которых в громадном большинстве случаев близко подходят к пролетариату, то мы без преувеличения можем принять, что в 1895 г. на $3^1/_2$ миллиона самостоятельных производителей, заинтересованных в поддержании частной собственности на средства производства, приходилось более 6 миллионов пролетариев, интересы которых требовали уничтожения этого права частной собственности.

Мы должны также принять, что у других слоев населения, хотя и незначительных по размерам, также существует подобное процентное отношение, а именно среди «самостоятельных без профессий», среди которых имеются с одной стороны богатые раньше-капиталисты, а с другой—бедняки, живущие пенсиями, выдаваемыми при инвалидности или при старости.

Но среди всего способного к труду населения пролетариат имеет еще больший вес, чем среди избирателей, так

как в тех возрастах, которые еще не достигли избирательного возраста, среди способных к труду находятся почти исключительно пролетарии.

Так насчитывалось:

Возраст	„Самостоятельных".	Рабочих и служащих.
от 18 до 20 лет	42,721	1,835,616
„ 20 „ 30 „	613,045	3,935,892
Напротив того:		
от 30 до 40 лет	1,819,201	3,111,115
„ 40 „ 50 „	1,368,261	1,489,317
свыше 50 „	2,102,814	1,648,085

Всего в 1895 г. в сельском хозяйстве, промышленности и торговле на 5,474,046 «самостоятельных» приходилось 18,438,377 рабочих и служащих. Если же от первых отбросить некоторую часть пролетариев, работающих на дому и других категорий, отнесенных к разряду «самостоятельных», то можно смело сказать, что уже в 1895 году слои населения, заинтересованные в частной собственности на средства производства, едва составляли немного более четверти всего способного к труду населения, а среди избирателей они образовывали все еще добрую треть их числа.

Тринадцать лет до этого соотношение не было еще столь благоприятным. Если мы сравним данныя промысловой переписи 1882 года с результатами выборов 1881 г. и произведем вычисления тем же способом, который мы применили к цифрам 1895 года, то получим следующие результаты:

Годы.	Избирателей вообще.	Избирателей „самостоятельных".	Избирателей рабочих.
1882	9,690,381	3,947,192	4,744,021
1895	10,628,292	4,172,269	5,590,743
Увеличение . . .	1,537,911	225,077	846,722

Количество предприятий с одним работающим в 1882 г. было почти такое же, как и в 1895 году—1,877,872. Число же непролетарских элементов среди «самостоятельных» в

1882 году было, конечно, еще больше, чем в 1895 г. Из этого мы должны заключить, что число избирателей, заинтересованных в частной собственности на средства производства, в 1882 г. было приблизительно такое же, как в 1895 г., т.-е. около $3^1/_2$ мил.; напротив того, число пролетариев было в 1882 г. около 5 миллионов. Число защитников собственности в период времени с 1882 по 1895 г. осталось то же, а число их противников среди избирателей увеличилось приблизительно на один миллион.

Еще сильнее возросло за тот же промежуток времени число социалистических избирателей: оно увеличилось с 311,901 до 1,780,989. Число социал-демократических голосов в 1881 г. было, правда, искусственно уменьшено законом против социалистов.

После 1895 года капиталистическое развитие, а вместе с тем и рост пролетариата сильно пошли вперед. К сожалению, данные статистики 1907 г., которые могли бы осветить этот вопрос для всей империи, остаются нам еще неизвестными.

По некоторым предварительным сообщениям за промежуток времени с 1895 по 1907 г. число мужчин-хозяев (Selbständigen), занятых в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, возросло на 33,084, т.-е. почти совсем не увеличилось, число же мужчин рабочих и служащих, т.-е. пролетариев, возросло на 2,891,228; это увеличение почти в сто раз больше, чем для хозяев.

Пролетарские элементы, которые уже в 1895 году составляли и среди населения, и среди избирателей большинство, получили с тех пор громадное преобладание.

Если мы примем во внимание, что в настоящее время процент избирателей среди мужчин самостоятельных хозяев и рабочих тот же самый, какой был в 1895 году, то мы можем дополнить предыдущую таблицу следующим образом:

Годы	Избирателей вообще.	Избирателей „самостоятельных".	Избирателей рабочих.
1895	10,628,292	4,172,269	5,590,743
1907	13,352,900	4,202,903	7,275,944
Увеличение . . .	2,724,608	30,634	1,685,201

Львиная доля прироста избирателей падает на пролетариат еще в большей мере, чем за период с 1882 по 1895 год [1].

Но данные последней переписи 1905 г. знаменательны, как указатель промышленного развития.

Города вообще благоприятнее, чем деревня, для развития политической жизни, для организаций пролетариата и для распространения социалистических идей. Поэтому имеет большое значение тот факт, что деревенское население уменьшается по сравнению с городским.

Следующая таблица показывает, как быстро совершается этот процесс. Под сельским населением мы подразумеваем население местечек, имеющих менее 2000 жителей, а под

---

[1] Каутский в своей брошюре рисует рост городского населения только до 1907 года. Но и после 1907 г. процесс этот совершался еще быстрее. В виду важности вопроса дополняем цифры Каутского несколькими более новыми данными.

По переписи 1910 г. население всей Германии возросло приблизительно на $4^1/_2$ милл. человек сравнительно с 1905 г., т.-е. на 7,6 процента. Число городов, имеющих более 100 жителей, увеличилось за это время с 41 до 48. В этих 48 городах жило в 1910 г. почти 14 милл. челов., т.-е. 21 процент всего населения империи. За 5 лет прирост этого населения составлял 1,8 милл. чел., т.-е. 22,1 процента их населения в 1910 г. или 42 процента всего прироста. Итак, чуть не половина всего прироста населения в государстве падает на эти 48 больших городов.

Число городов, имеющих от 50 до 100 тыс. жителей, за 5 лет увеличилось с 50 до 61; в них жило в 1910 году 2,7 милл. чел., т.-е. 4,2 процента всего населения. Прирост числа их жителей был за 5 лет 710.000 челов., т.-е. 15,8 процента всего прироста.

Число городов, имеющих от 20,000 до 50,000 жит., за 5 лет возросло с 129 до 153, а их население дошло до 5,2 милл. чел., что дает 7,8 процента всего населения государства; население это возросло на 500.000 чел., т.-е. на 10.8% всего прироста.

Итак, прирост населения всех городов, имеющих более 20,000 жит., образовал 68,6 процента всего прироста за 5 лет. На долю остальных городов и деревни осталось только 31,4 процента. Население их в 1910 г. дошло до 21,9 милл. чел., т.-е. 34,1 процента всего населения империи, т.-е. более трети его.

Все городское население Германии в 1910 г. составляло 60,2 процента всего населения государства. На долю деревни оставалось только 39,8 процента.

Цифры эти взяты нами из статьи Кольба в „Neue Zeit". Кольб на основании данных переписи 1910 г. производит подсчет, подобный тому, который

городским—население городов, имеющих не менее 2000 жителей. Насчитывалось:

Годы	Деревенское население.		Городское население.	
	Абсолютн.	%	Абсолютн.	%
1871	26,219,352	63,9	14,790,798	36,1
1880	26,513,531	58,6	18,720,530	41,4
1890	26,185,241	53,0	23,243,229	47,0
1900	25,734,103	45,7	30,633,075	54,3
1905	25.822,481	42,6	34,818,797	57,4

Итак, за тридцать лет городское население более чем удвоилось, а сельское население уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В то время, как городское население возросло на двадцать миллионов

сделан Каутским в его брошюре, и пополняет данную Каутским таблицу. Приводим эту таблицу в несколько сокращенном виде.

Годы.	Избирателей вообще.	Избирателей „самостоятельных".	Избирателей рабочих.
1882	9,090,381	3,947,192	4,744,021
1895	10.628,292	4,172,269	5.590,743
1907	13,352,900	4,202,903	7,275,944
1910	14,393,000	4.217,903	8,100,800

Эта таблица показывает, что с 1907 по 1910 год, т.-е. за 3 года, число „самостоятельных избирателей", заинтересованных в поддержании права частной собственности и буржуазного строя, возросло только на 15 тыс. В то же самое время количество избирателей пролетарского лагеря, интересы которых требуют уничтожения капиталистического строя, увеличилось на 825 тысяч. В 1910 году эта последняя категория избирателей составляла почти две трети (точнее, 65,8%) общего числа избирателей.

Эти же данные показывают, как быстро ускоряются ход общественного развития и рост пролетарской армии. С 1882 г. по 1895 г. мы видим увеличение числа избирателей рабочих на 846 тыс. челов. Но тогда для этого потребовалось 13 лет. Почти такое же увеличение (825 тыс. чел.) мы видим

сельское уменьшилось почти на миллион. Во время образования Германской империи сельское население составляло почти две трети всего населения государства, а в настоящее время оно уменьшилось почти до двух пятых его.

Среди отдельных государств империи сильнее всего растет население тех, в которых быстрее идет промышленное развитие. Из всего населения государства приходилось в процентах:

	1816	1855	1871	1905
Пруссия	55,2	59,0	60,1	61,5
Саксония	4,8	5,6	6,2	7,4
Вместе	60,0	64,6	66,3	68,9
Бавария	14,5	12,5	11,8	10,8
Вюртемберг	5,7	4,6	4,4	3,8
Баден	4,1	3,7	3,6	3,3
Гессен	2,3	2,2	2,1	2,0
Эльзас-Лотарингия .	5,2	4,3	3,8	3,0
Вместе	31,8	27,3	25,7	22,9

Итак, в местностях, образующих современную Пруссию и Саксонию, жило в 1816 году 60 процентов населения того времени; теперь же там живет почти 70 процентов. Напротив

с 1907 по 1910 г., т.-е. за 3 года. То, что в конце прошлого столетия потребовало 13 лет, теперь было совершено только в 3 года.

С другой стороны, из той же таблицы мы видим, что за время с 1882 по 1895 годъ, когда число избирателей рабочих увеличилось на 846 тыс., число избирателей „самостоятельных" возросло на 225 тыс. челов. А за время с 1907 по 1910 г., когда число избирателей рабочих возросло почти на то же количество (825 тыс.), количество избирателей „самостоятельных" увеличилось только на 15 тыс. Эти цифры показывают, что не только абсолютно, но и относительно, армия пролетариата растет быстрее, чем армия буржуазии, этот рост ее и в том и в другом отношении быстро ускоряется. *Прим. перев.*

того, население южной Германии, которое составляло в 1816 году более половины населения тех местностей, которые входят в состав современной Пруссии и Саксонии, упало в 1905 г. только до одной трети. Местности, образующие современную Пруссию и Саксонию, насчитывали в 1816 году 15 милл. жителей, а четыре южно-германских государства вместе с Эльзасом и Лотарингией—восемь миллионов. Напротив того, в 1905 году первые имели 42 миллиона, а последние 14 миллионов. Первые почти утроили свое население, а последние даже не удвоили.

Так действует экономическое развитие, увеличивая в стране за счет консервативных элементов число элементов, заинтересованных в уничтожении современного права собственности государственного порядка, и увеличивая их значение в государстве за счет элементов консервативных. Конечно, эти революционные элементы революционны вначале только в возможности, но не в действительности. Они образуют запас революционных рекрутов, но не все эти рекруты становятся солдатами революции.

Вышедшие по большей части из мелкой буржуазии и из мелкого крестьянства, многие из этих пролетариев еще долго сохраняют свои старые характерные черты. Они чувствуют себя не пролетариями, а людьми, которым очень хотелось бы быть собственниками. Они живут экономно, чтобы на сбережения приобрести кусочек земли, чтоб завести жалкую мелочную лавочку или чтобы открыть карликовую мастерскую, в которой работает пара несчастных учеников. Другие уже потеряли надежду на это или знают, какое нищенское существование грозит им, если они вступят на этот путь, но они чувствуют себя еще неспособными или у них нет еще желания завоевать себе лучшее существование в союзе со своими товарищами. Они надеются улучшить свое положение, изменяя своим товарищам. Они становятся штрейкбрехерами или членами желтых союзов. Третьи, наконец, пошли еще дальше. Они уже признают необходимость борьбы с противостоящими им капиталистами, но они не чувствуют еще себя достаточно сильными, чтобы об'явить войну всей капиталистической системе. Они ищут помощи у буржуазных партий и правительств.

Даже среди тех, которые дошли до признания необходимости пролетарской классовой борьбы, есть еще достаточно таких, которые не хотят выходить за пределы существующего общества, которые сомневаются в победе пролетариата или совсем не верят в нее.

Чем быстрее совершается экономическое развитие, а вместе с тем и пролетаризация населения, чем большее количество населения уходит из деревень в города, с востока на запад, из рядов мелких собственников в ряды неимущих, тем многочисленнее в пролетариате элементы, которые еще не поняли значения социальной революции и не сознают еще классовых противоречий современного общества.

Привлечение их к социализму составляет настоятельную, но при нормальных условиях необыкновенно трудную задачу, выполнение которой требует величайшей преданности и мудрости, и которая все-таки не выполняется так быстро, как нам хотелось бы. Наш запас рекрутов обнимает в настоящее время не менее трех четвертей всего населения, а вероятно, и еще того более. Но число поданных за нас голосов не составляло и одной трети всех голосовавших или одной четверти всех избирателей.

Но темп развития сразу станет быстрым, если наступят революционные времена. Невероятно быстро учатся в это время массы и достигают ясности познания своих классовых интересов. Не только их мужество и их стремление к борьбе, но и их политические интересы сильнейшим образом возбуждаются сознанием, что наступил момент для того, чтобы вырваться, наконец, из черного мрака на яркое солнце. Даже самый ленивый в такое время становится деятельным, а самый трусливый—смелым; даже самый ограниченный человек приобретает широкий кругозор. В подобные времена в несколько лет массы приобретают такое политическое воспитание, которое при иных условиях потребовало бы жизни нескольких поколений.

Если имеется налицо подобное положение, если господствующий режим зашел так далеко, что ему угрожает опасность разбиться о свои внутренние противоречия, если в стране имеется класс, интересы которого требуют дости-

жения политической власти, и он имеет для этого достаточно силы, тогда нужна только партия, пользующаяся доверием этого класса, питающая непримиримую вражду к колеблющемуся режиму и ясно понимающая существующее положение дел, чтоб повести к победе стремящийся вперед класс.

Такой партией уже издавна является социал-демократия. Имеется налицо и революционный класс, образующий уже большинство нации. Но можно ли рассчитывать также и на моральное крушение господствующего режима?

7. Смягчение классовых противоречий.

Как мы уже видели, Энгельс в 1885 г. заметил, что со времени великой французской революции, которая со всеми ее последствиями длилась с 1789 года по 1815 г. революции, крупные перевороты происходили в Европе каждые 15—18 лет: они имели место в 1815 г., в 1830 г., в 1848—52 и в 1870—1871 г. Он предполагал поэтому, что в конце восьмидесятых или в начале девяностых годов может произойти новая революция. Действительно, в это время произошла крупная политическая перемена—падение бисмарковской системы и оживление политического и демократического движения во всей Европе. Но это изменение было слишком незначительно и кратковременно. С тех пор пройдет скоро два десятилетия [1]), а между тем нигде в западной Европе не произошло настоящей революции.

Отчего произошло это? Почему Европа была в состоянии постоянного беспокойства с 1789 г. по 1871 г., и почему с этого времени наступило состояние политической устойчивости, которое в последнее время перешло в состояние полного политического застоя?

В течение всей первой половины XIX столетия до 1848 года важнейшие с точки зрения экономической и духовной жизни того времени слои населения были повсюду в Европе отстранены от государственной власти, которая, как защитница

[1]) Брошюра была написана в 1909 году, а второе издание ее вышло в 1910 г. *Прим. перев.*

дворянства и духовенства, относилась к ним безучастно, и иногда даже прямо враждебно. В Германии и Италии разделение этих стран на мелкие государства препятствовало промышленному развитию. Но за время с 1846 по 1870 год все это сильно изменилось. В это время промышленный капитал победил землевладение в Англии, где в 1846 году были уничтожены пошлины на хлеб, и введена свобода торговли; в других странах, как, напр., в Германии и в Австрии, промышленный капитал завоевал себе такое же положение, которое занимало здесь землевладение. Интеллигенция получила при этом свободу печати и свободу передвижения, а мелкая буржуазия и мелкое крестьянство—избирательное право. Национальное об'единение Германии и Италии удовлетворило старинные стремления этих наций. Все это было выполнено после поражения революции 1848 года не путем народных движений внутри государств, а при помощи внешних войн. Крымская кампания 1854—1856 года уничтожила в России крепостное право и заставила царское правительство считаться с промышленной буржуазией. В 1859, в 1866 и в 1870 году произошло об'единение Италии; в 1866 и в 1870 году—об'единение Германии, хотя правда неполное; в 1866 году либеральная эра в Австрии побудила и Германию к введению всеобщего избирательного права, некоторой свободы печати и свободы коалиций. 1870 год закончил этот период и дал Франции демократическую республику. В Англии в 1867 году была проведена избирательная реформа, которая дала избирательное право высшим слоям пролетариата и низшим слоям мелкой буржуазии, до сих пор лишенным этого права. Таким образом во всех европейских государствах для всех классов, за исключением пролетариата, были созданы условия, при которых они могли вести далее борьбу за улучшение своего положения. Они достигли, хотя и не в полной мере, того, к чему они непрерывно стремились со времени великой революции. Правда, не все их требования были осуществлены, но они и не могли быть осуществлены полностью, так как интересы различных слоев имущих классов часто бывают прямо противоположны, и обделенные слои населения не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы

бороться за полное господство одного своего класса в государстве, а то, чего им не хватает, не достаточно велико, чтоб из-за него взять на себя риск революции.

В европейских странах остался революционным только один пролетариат и прежде всего городской пролетариат. В нем продолжали жить старые революционные стремления. Несмотря на то, что благодаря ряду переворотов и вообще изменилось все политическое положение, пролетариат попрежнему питал надежды, основанные на опыте почти целого столетия, продолжавшегося с 1789 по 1871 год, что скоро начнется новая революция, которая, конечно, не будет еще чисто пролетарской, но мелкобуржуазно-пролетарской, революция, но в которой пролетариат вследствие своих возросших сил возьмет на себя руководящую роль. Такую революцию ожидали не только некоторые «догматики-марксисты» в роде Энгельса и Бебеля, но и такие реальные политики, как, напр., Бисмарк, которые совершенно не были затронуты марксизмом. Если Бисмарк в 1878 г. считал необходимым введение исключительного закона против социал-демократии, не собравшей на выборах и полмиллиона голосов, что не составляет даже 10/0 всех поданных на выборах голосов и менее 6/0 всех избирателей, если Бисмарк тогда пришел к мысли, продиктованной ему отчаянием—провоцировать социал-демократию на уличные выступления, прежде чем она станет для этого достаточно сильной, то это об'ясняется тем, что он считал чрезвычайно близким наступление пролетарско-мелкобуржуазной революции.

И действительно, существовал целый ряд обстоятельств, которые поддерживали такие воззрения, не говоря уже об воспоминаниях о революциях прошлого столетия.

В семидесятых годах в Европе разразился хозяйственный кризис, равного которому по силе и по продолжительности она раньше еще не знавала. Он продолжался до второй половины восьмидесятых годов. Нищета в пролетарских и в мелкобуржуазных кругах и уныние среди капиталистов, вызванные этим кризисом, еще более обострялись действием конкуренции в области торговли средствами сообщения со стороны Америки и России, которая создавала сильную угрозу сельскому хозяйству Западной Европы.

Нищета среди крестьян, ремесленников и рабочих, исчезающая уверенность буржуазии, свирепые преследования социалистов с 1871 г. во Франции, с 1878 в Германии и не меньшие в Австрии—все это, казалось, указывало, что мир скоро придет к новой катастрофе.

Но основы государственного устройства, созданные за время с 1848 по 1871 год, слишком хорошо соответствовали потребностям народных масс и не могли быть разрушены уже в то время. Напротив того, чем более грозной выступала опасность революции, которая могла быть только пролетарской, антикапиталистической, тем теснее смыкались имущие классы вокруг правительства. Мелкая буржуазия и мелкое крестьянство приобрели в новых своих политических правах, а особенно в избирательном праве, очень действительное орудие, чтобы воздействовать на правительства и требовать от них всевозможных уступок. Тем охотнее прибегали они к получению от правительства таких уступок взамен оказываемых ему политических услуг, чем подозрительнее для них был тот союзник, которого они имели до сих пор в своей политической борьбе.

Таким образом недовольство в широких слоях населения, порожденное экономическим застоем и политическим гнетом, вылилось лишь в незначительное политическое движение, которое, как было уже заметно выше, выразилось сильнее всего в падении Бисмарка (1890 г.), на ряду с которым нужно еще упомянуть движение буланжизма во Франции (1889 г.). Но этим окончилась даже видимость революционного состояния.

Как раз к моменту, когда начались эти политические события, окончился период так долго длившегося промышленного застоя. Начался период чрезвычайно оживленного экономического развития, который с небольшими перерывами продолжался до недавнего времени. Капиталисты и их прислужники—профессора, журналисты и прочие интеллигенты—обрели новое мужество. Ремесленникам досталась также некоторая доля в этом процветании; улучшилось положение и земледелия. В лице быстро растущего промышленного населения оно нашло новый рынок, особенно для таких продуктов, как мясо или молоко, которые менее подвергаются

влиянию заграничной конкуренции. Европейское земледели спасли не аграрные пошлины, ибо положение его улучшилось также и в странах свободной торговли, как, напр., Англия, Голландия и Дания; ему помогло быстрое развитие промышленности с конца восьмидесятых годов.

Но это развитие промышленности было само следствием быстрого расширения мирового рынка, которое привело к наводнению Европы хлебными продуктами далеких стран и вызвало этим аграрный кризис. Это расширение мирового рынка явилось результатом развития сети железных дорог вне стран Западной Европы.

Протяжение железных дорог было (в километрах):

	В 1880 г.	В 1890 г.	В 1907 г.	Прирост с 1880 по 1907 г. в %
В Германии	33,834	42,869	58,040	72%
Во Франции	25,933	36,895	47,823	84%
В Англии	28,854	32,297	37,150	29%

Напротив того, протяжение железных дорог было:

В России	22,664	32,390	72,020	218%
„ Британской Индии	14,772	27,316	48,106	226%
„ Китае	11	200	6,698	60,800%
„ Японии	121	2,333	8,067	6,666%
„ Америке	171,669	331,599	487,506	183%
„ Африке	4,607	9,386	29,798	547%

Из этой таблицы ясно видно, насколько с 1880 и особенно с 1890 года развитие железнодорожной сети во всех новых капиталистических странах идет быстрее, чем в старых.

В то же время сильно вырос морской торговый флот. Вместимость паровых судов была в тоннах:

	1882 г.	1893 г.	1907 г.
Германия	249,000	783,000	2,256,783 (190
Великобритания	3,700,000	6,183,000	10,838,531
Норвегия и Швеция	140,000	392,000	1,347,533
Дания	57,000	123,000	404,946
Франция	342,000	622,000	739,819
Соед. Штаты	617,000	826,000	2,077,000
Япония	40,000	108,000	1,115,880

Эти цифры показывают, что за последние 20 лет произошло сильное расширение мирового рынка, которое сде

ало его способным к поглощению громадных масс товаров. Во всех промышленных странах на первый план выступил интерес к мировому рынку, а вместе с тем и интерес к колониальной политике, как к средству расширения внешних рынков. Правда, захват новых заморских владений, производившийся с восьмидесятых годов, имел мало общего с расширением мирового рынка. Новая колониальная политика, которая велась с этого времени, распространялась почти исключительно на Африку, как на единственную часть света, где еще оставалось, по понятиям европейских великих держав, много «свободной» земли, т.-е. такой, которая не принадлежала ни одной из сильных держав. Но стоит только взглянуть на выше приведенную таблицу расширения железнодорожной сети, чтобы заметить, как мало участия приняла Африка в этом расширении. Правда, протяжение ее жел. дорог от 1880 г. по 1907 год возросло с 4600 почти до 30.000 километров, но как мал этот прирост по сравнению с увеличением длины этой сети для Азии с 16,000 до 90,000 и для Америки с 171,000 до 487,000 километров! Да и в самой Африке львиная доля прироста приходится на долю не новых колоний, приобретенных после восьмидесятых годов, а на старые колонии и самостоятельные государства, как это видно из следующей таблицы:

Длина железных дорог в километрах:

	1880 г.	1890 г.	1907 г.
Алжир	1,405	3,104	4,906
Египет	1,449	1,547	5,544
Абиссиния	—	—	309
Капская земля	1,457	2,922	6,123
Наталь	158	546	1,571
Трансвааль	—	120	2,191
Оранжевая республика	—	237	1,425
Остальная Африка	438	919	7,729
Итого	4,607	9,395	29,798

Итак, только 7000 километров, четверть всех жел. дорог Африки, даже неполный один процент (0,8%) жел.-дорожной сети всего земного шара выпадает на долю тех стран, которые—и опять-таки не все, а только большею частью—были приобретены европейскими державами благодаря их коло-

ниальной политике последнего времени. Из этого видно, как мало способствовала эта колониальная политика за последние двадцать лет расширению мирового рынка и оживлению производства.

Но это оживление связано очевидно с расширением внешних рынков, которое в свою очередь совпало с новейшей колониальной политикой, начавшейся с восьмидесятых годов. Поэтому буржуазия эту колониальную политику поставила в связь с хозяйственным оживлением. Таким образом перед буржуазией европейских держав возник новый идеал; ее она начала с девяностых годов противопоставлять социализму, тому самому социализму, перед которым многие ее мыслители уже капитулировали в восьмидесятых годах. Этим новым идеалом явилось для нее включение заморских колоний в состав европейских метрополий. Это есть так называемый **империализм**.

Но империализм великой державы означает ее стремление к завоеваниям и ее враждебные отношения к другим великим державам, которые стремятся проводить такую же завоевательную политику в тех же заморских колониях. Он неосуществим без усиленных вооружений, без крупных постоянных армий и без флота, который был бы способен вступить в вооруженную борьбу в отдаленных морях.

До шестидесятых годов включительно буржуазия была вообще противницей милитаризма, ибо она была противницей правительства. Она не любила постоянную армию, содержание которой стоит так безумно дорого, и которая представляла самую крепкую опору враждебного ей правительства. Буржуазная демократия признавала постоянную армию излишней, так как она, замкнувшись в своей собственной стране, не хотела вести завоевательных войн.

Но с семидесятых годов возрастает у буржуазии симпатия к армии не только в Германии и во Франции, где война 1870 года сделала военщину популярной: в Германии—ее блестящие победы, доставленные ею, а во Франции—как средство предотвращать такие опустошения, какие причинила ей эта война. И в других странах начинает развиваться стремление к усилению армий, как к средству подчинения внутренних и покорения внешних врагов. Имущие классы ста-

новятся все большими сторонниками милитаризма по мере того, как улучшаются их отношения с правительством. Как бы сильно ни разделяло их противоречие их интересов, в своей готовности приносить жертвы милитаризму сходятся все они, начиная с самых радикальных демократов и кончая самыми консервативными феодалами. Пролетариат в лице социал-демократии один образует оппозицию.

Таким образом сила правительства за последние десятилетия возросла невероятно сильно, а вместе с тем возможность низвержения этих правительств, возможность революции, казалось, ушла бесконечно далеко.

Роль радикальной оппозиции, которую не надо смешивать с враждебностью к правительству лишенной власти, но жадно стремящейся к ней клики, все более и более переходила к пролетариату; но и в некоторых слоях последнего времени политического потрясения 1890 года исчезли и революционные порывы.

Это потрясение устранило худшие проявления политической подчиненности пролетариата в Германии и в Австрии. Во Франции еще ранее прекратились последние остатки преследований, начатых после восстания коммуны.

Правда, социальные реформы и рабочее законодательство не двигались с места. Эти реформы лучше всего подходят к такому времени, когда промышленный капитализм развился уже настолько, что обнаружил свое, требующее немедленной помощи, пагубное влияние на здоровье населения, когда этот промышленный капитал еще не вполне установил свое господство в обществе и в государстве, когда мелкая буржуазия, землевладение и часть интеллигенции находятся еще в сильном противоречии с капиталом, и когда еще можно надеяться, что при помощи кусочков рабочего законодательства возможно удовлетворить пролетариат, становящийся уже серьезной общественной силой. В таком положении Англия находилась уже в сороковых годах прошлого столетия. Наиболее крупная мера ее рабочего законодательства—десятичасовой рабочий день для женщин—была проведена в это время (1847 г.).

Континентальная Европа значительно отстала от Англии. Только в 1877 г. был проведен в Швейцарии закон об одно-

надцати часовом рабочем дне как максимальном для мужчин. В 1885 г. такой же рабочий день был введен в Австрии. Эпоха политического оживления после падения Бисмарка при вела в Германии и во Франции также к некоторым небольшим реформам. В 1891 г. был проведен в Германии закон, который установил одиннадцати часовой рабочий день для женщин, до того времени не защищенных законом. В 1892 г. такое же постановление введено во Франции.

И это было все! С тех пор не было сделано на этом пути ни одного шага, о котором стоило бы упомянуть. В Германии за все 17 лет мы установили только десятичасовой рабочий день для женщин. Работники мужчины все еще остаются у нас совсем без защиты.

В области рабочего законодательства, как и в области других социальных реформ, господствует полный застой.

Но хозяйственный под'ем, начавшийся с конца восьмидесятых годов, предоставил целому ряду слоев рабочего класса возможность благодаря быстро повышающемуся спросу на рабочие силы без помощи рабочего законодательства, путем «прямого действия» профессиональных союзов улучшать свое положение.

Этот рост спроса на рабочие руки хорошо виден из уменьшения числа эмигрантов из Германии.

Число выселившихся из Германии было:

В 1881 г.	220,902
„ 1887 „	104,787
„ 1891 „	120,089
„ 1894 „	40,964
„ 1900 „	22,309
„ 1908 „	19,883

Этот быстрый рост спроса на рабочие руки создал сравнительно благоприятное положение для многих слоев рабочих по отношению к капиталу. Профессиональные союзы, которые в течение двух первых десятилетий нового периода, начавшегося с 1870 года, благодаря промышленному застою, политическому гнету в Германии и во Франции развивались крайне медленно, стали расти теперь очень быстро, особенно в Германии, экономическое развитие которой было наиболее сильно. Германские союзы догнали и даже перегнали англий-

ские союзы—этих старых борцов рабочего класса, и провели ряд значительных улучшений, касающихся заработной платы, рабочего времени и других условий труда.

В Австрии, например, число членов рабочих союзов с 1892 г. по 1907 год возросло с 46,606 до 501,094 чел.; в Германии число членов центральных союзов увеличилось с 1893 г. по 1907 г. с 223,530 до 1,865,506 чел. Напротив того, за то же время с 1892 по 1907 год число членов английских тред-юнионов возросло только с 1,500,000 до 2,406,746,283 чел. В Англии увеличение было только на 900,000, в то время как в Германии оно достигло 1,600,000.

Но германские союзы за этот период времени превзошли английские не только быстротою роста их членов; германские союзы представляют также более высокую форму профессионального движения. Английские тред-юнионы возникли сами собой (urwüchsig); они были детьми голой практики. Германские же союзы были основаны и руководимы социал-демократией, которой в ее работе помогала теория марксизма. Благодаря этому немецкое профессиональное движение могло принять гораздо более целесообразные формы. На место локальных и разрозненных по профессиям английских тред-юнионов социал-демократия создала в Германии крупные централизованные об'единения, охватывающие целые отрасли промышленности. Она сумела ограничить взаимные споры отдельных союзов о пределах их компетенции и избежать цехового окостенения и аристократизма английских тред-юнионов. Гораздо более, чем англичане, чувствовали себя деятели немецких профессиональных союзов защитниками всего пролетариата, а не только тех рабочих, которые состояли членами их профессии. Только мало-по-малу удалось англичанам преодолеть ту ограниченность движения, которая была им передана историей. Руководство международным профессиональным движением все более и более переходит к немецким союзам благодаря тому, что они до сих пор—сознательно или бессознательно—более руководствовались теорией марксизма, чем их английские товарищи.

Это блестящее развитие, особенно развитие немецких профессиональных союзов, производило на пролетариат тем более глубокое впечатление, чем более останавливалось дело

социальных реформ в парламентах, чем меньших практических успехов достигал пролетариат за это время путем своего политического действия.

Профессиональные союзы, а на ряду с ними потребительские кооперативы, казались призванными без всякого политического потрясения, просто при помощи использования данных правовых условий все более и более поднимать рабочий класс, все более стеснять рамки действия капитала, ставить на место самодержавия капитала «конституционную фабрику» и, идя таким путем, постепенно, без крутой ломки и без катастроф, осуществить господство «промышленной демократии».

Но в то время, когда казалось, что противоречия классовых интересов все более смягчаются, вырастали уже элементы, которые должны были их снова обострить.

8. Обострение классовых противоречий.

Одновременно с развитием профессиональных союзов шло образование других могучих организаций, вступавших в столкновение с первыми. Мы говорим о союзах предпринимателей.

Мы уже говорили выше об акционерных обществах. Сперва они охватывали торговые предприятия и банки. Но с семидесятых годов прошлого столетия они все сильнее начали захватывать в свои руки также и область производства. Мы уже указывали, как об'единение предприятий в немногих руках, путь к которому был проложен уже возникновением крупных предприятий, стало сильно ускоряться после возникновения акционерных компаний. Они ускоряют экспроприацию вложенных в акционерные общества мелких состояний крупными банкирами, которые могут гораздо лучше, чем мелкие «сберегатели», ориентироваться в опасном фарватере современной хозяйственной жизни, а отчасти даже сами умышленно создают его водовороты и отмели. С другой стороны, благодаря акционерным компаниям и мелкие состояния, вложенные в акции, поступают в полное распоряжение тех же крупных банкиров, управляющих акционерными обществами. Наконец, акционерные компании позво-

ляют отдельным магнатам крупных банков, миллиардерам и крупнейшим банкам подчинять своему господству такие предприятия, которые еще не попали в их полное владение, и таким образом, об'единять их в одну общую организацию.

Благодаря всему этому мы видим, что, начиная с девяностых годов, во всех капиталистических странах организации предпринимателей растут повсюду, как грибы, при чем они, в зависимости от законов страны, принимают самые разнообразные формы. Но при этом все они ставят себе одинаковую цель: создание искусственной монополии с целью повышения прибыли. Это делается отчасти путем повышения цен продуктов, т.-е. путем усиленной эксплоатации потребителей, частью посредством удешевления стоимости производства, что достигается разнообразными способами, которые в конце-концов все сводятся или к увольнению рабочих, или к усилению их эксплоатации, а часто и к тому и к другому.

Еще легче, чем организация предпринимателей в картели и тресты для повышения цен товаров, совершается об'единение их в союзы для усиления эксплоатации рабочих. Здесь у них нет никакой конкуренции, никакого соперничества, так как в этом деле все они единодушны. Здесь об'единены одинаковыми интересами не только все предприниматели одной отрасли производства, но и предприниматели самых разнообразных отраслей промышленности. Если они на товарном рынке, как покупатели и продавцы, стоят враждебно друг против друга, то на рабочем рынке они чувствуют себя братьями, как покупатели одного и того же товара—рабочей силы.

Эти организации предпринимателей ставят деятельность профессиональных рабочих союзов все большие и большие препятствия. Науман преувеличивает их силу в выше приведенных цитатах. Нельзя сказать, что профессиональные союзы совершенно бессильны против них. Но за последние годы развитие профессиональных союзов все более замедляется; повсюду они принуждены переходить к обороне; все с большим и большим успехом стачке противопоставляется локаут. Удобные моменты, когда профессиональные союзы могут вести победоносную борьбу, становятся все более редкими.

Это положение дел ухудшается еще тем, что постоянно растет приток иностранных рабочих, потребности которых очень слабо развиты. Это является необходимым результатом промышленного подъема, который происходит оттого, что мировой рынок расширяется, вследствие постройки железных дорог и развития торгового мореплавания, которые делают самые отдаленные уголки земного шара доступными для продуктов капиталистической промышленности. В этих местностях продукты капиталистического производства вытесняют произведения туземные, а именно—продукты кустарного домашнего производства. Благодаря этому, с одной стороны, у жителей этих местностей развиваются новые потребности, с другой стороны, у них возникает потребность в деньгах. В то же время вследствие падения домашнего производства этих отсталых местностей освобождается масса рабочих рук. У себя на родине они не находят работы, а тем более работы, которая давала бы им денежный доход. Новые пути сообщения—железные дороги и пароходы,—которые приносят им продукты капиталистических стран, доставляют им также возможность двинуться в качестве живого товара в эти промышленные страны в поисках хорошо оплачиваемой работы.

Обмен людей на товары есть неизбежное следствие расширения рынка капиталистической промышленности. На первых порах она высылает свои продукты из городов в деревни своей же страны и извлекает оттуда для себя не только сырые материалы и средства потребления, но и рабочие силы. Но когда промышленная страна становится страной, экспортирующей товары, то она вместе с тем является страной импортирующей людей. Таковой была вначале Англия, куда в первой половине прошлого столетия из Ирландии выселилось много рабочих.

Конечно, этот приток отсталых элементов представляет серьезное препятствие для классовой борьбы, но он неизбежно связан с развитием капитализма. Нельзя подобно современным «реальным политикам» социализма оценивать это развитие промышленности, как явление, благоприятное для пролетариата, а приток в страну иностранных рабочих, как явление вредное, которое не имеет с первым ничего общего.

Всякий экономический прогресс при господстве капитализма связан с каким-нибудь зломением, невыгодным для пролетариата. Если американские рабочие противятся переселению в Америку японцев и китайцев, то они должны также противиться и тому, чтобы американские пароходы вывозили американские товары в Японию и в Китай, и тому, чтобы там строились на американские деньги железные дороги. Одно неразрывно связано с другим.

Ввоз иностранных рабочих есть одно из средств ухудшения положения пролетариата, так же как введение машин, замена мужской работы женской, обученных рабочих—необученными. Но неблагоприятное действие этого ввоза должно приводить не к борьбе против иностранных рабочих, а к борьбе против господства капитала; оно должно заставить отказаться от иллюзии, что быстрое развитие капиталистической промышленности может доставить рабочим длительные выгоды. Эти выгоды бывают всегда скоропроходящими. Вслед за ними неизбежно приходит горькое разочарование. Это ясно видно и в рассматриваемом нами случае.

Выше мы видели, как сильно сократилась эмиграция из Германии за последние двадцать лет. Но в то же время возросло число эмигрантов в Германию. Их насчитывалось

В 1880 г.	. . . . .	276,067 чел.
„ 1890 „	. . . . .	433.254 „
„ 1900 „	. . . . .	778,698 „
„ 1905 „	. . . . .	1,007,179 „

Счет производится всегда 1 декабря, т.-е. в то время, когда прекращаются работы в сельском хозяйстве и в строительном деле. Поэтому остаются несосчитанными многочисленные иностранные рабочие, которые работают в Германии только летом, а осенью возвращаются к себе на родину.

Затруднение профессиональной борьбы союзами предпринимателей и прилив в страну непритязательных, неорганизованных, беззащитных иностранных рабочих стали чувствоваться вдвое сильнее, когда началось повышение цен на продукты потребления.

Для установления жизненного уровня европейских рабочих было чрезвычайно важно понижение цен на продукты

потребления, начавшееся, как мы указывали, с семидесятых годов. Оно повышало покупательную силу их заработной платы и смягчало во время кризисов действие ее понижения, позволяло после окончания кризисов повышать реальную заработную плату быстрее, чем денежную, пока аграрные пошлины не уничтожили эти благодетельные действия низких цен на средства существования.

Но несколько лет тому назад цены продуктов потребления стали снова повышаться.

Лучше всего можно проследить движение их в Англии, где на них не оказывают никакого влияния аграрные пошлины. Согласно данным Конрада, тонна пшеницы (1000 килограммов) стоила в Англии:

1871—75 гг.	246,4 марки
1876—80	206,8 »
1881—85	180,4 »
1886—90	142,8 »
1891—95	128,2 »
1896 г.	123,0 »

Напротив того, согласно данным трехмесячника статистики Германской империи (1908 г., № 4) за позднейшее время движение цен следующее. В Ливерпуле ла-платская пшеница стоила в июле—сентябре:

1901 г.	129,1 марки
1902	— »
1903	139,3 »
1904	152,1 »
1905	144,8 »
1906	138,0 »
1907	160,0 »
1908	176,0 »

Цены различных годов колеблются, конечно, и обе стороны в зависимости от урожая. Но, повидимому, в повышении цен продуктов потребления мы имеем здесь не преходящее, но длительное явление.

Банкротство русского сельского хозяйства, а вместе с тем превращение Соединенных Штатов из аграрной страны в промышленную заставляют думать, что постепенно иссякает

поток дешевых средств существования, направлявшийся в Европу.

В Америке, напр., производство пшеницы несколько лет тому назад перестало возрастать. Оно составляло:

Годы.	Количество обработанной земли в акрах.	Урожай в бушелях.	Средняя цена бушеля на 1 декабря
1901	49,9 милл.	748 милл.	62,4 цента.
1902	46,2 »	670 »	63,0 »
1903	49,5 »	638 »	69,5 »
1904	44,1 »	552 »	92,4 »
1905	48,9 »	693 »	74,8 »
1906	47,3 »	735 »	66,7 »
1907	45,2 »	632 »	87,4 »
1908	47,6 »	664 »	92,8 »

Из этих данных видно, что производство пшеницы скорее уменьшается, чем растет. А цены показывают решительную тенденцию к повышению.

В том же направлении, что и сокращение привоза средств существования, действовали союзы предпринимателей, которые искусственно значительно повышали цены товаров и подвоза.

Мы не говорим здесь об аграрных пошлинах, которые путем повышения цен средств существования со своей стороны чувствительно увеличивали обложение рабочих со стороны государства.

Ко всему этому присоединился еще кризис, разразившийся в конце 1907 г., приведший к страшной безработице. Положение пролетариата стало ужасным. Но не следует ожидать, что по окончании кризиса рабочих ждет снова такое же благоприятное положение, какое было между 1895 и 1907 годами. Высокие цены на средства существования останутся и даже поднимутся еще выше; приток дешевых рабочих рук из-за границы не прекратится; напротив того, после улучшения дел в промышленности он еще усилится. Кроме того, союзы предпринимателей сильнее, чем когда-либо, сожмут рабочих железным кольцом, которое будет невозможно разорвать средствами одной профессиональной борьбы.

Как бы ни были важны и необходимы профессиональные союзы, мы не должны ожидать, что они смогут путем одной

профессиональной борьбы снова двинуть вперед дело пролетариата, как это им удалось за последние 12 лет. Мы должны даже считаться с возможностью, что наши усилившиеся противники временно оттеснят пролетариат с его позиции.

Достойно внимания, что уже в последние годы расцвета, когда промышленность работала во-всю, когда раздавались постоянные жалобы на недостаток рук, рабочие уже не были в состоянии повысить свою реальную заработную плату, т. е. плату не в деньгах, а в средствах существования; эта реальная заработная плата скорее даже уменьшалась. Это было доказано многими исследователями для различных слоев рабочего населения Германии. Для Америки мы имеем официальное признание этого факта для всего рабочего класса.

С 1890 г. рабочее бюро в Вашингтоне ежегодно производит обследование некоторого числа предприятий в важнейших отраслях промышленности Соединенных Штатов. В последние годы подверглись анкете 4169 фабрик и мастерских, на которых были обследованы высота заработной платы, рабочее время, домашний бюджет рабочих, характер их потребления и цены средств существования. Полученные при этом цифры могут быть сравниваемы между собою и показывают улучшение или ухудшение жизни рабочих.

Для каждой из отдельных рубрик среднее за 1890—1899 годы принято за 100. Число 101 обозначает таким образом улучшение на один процент сравнительно со средним за время с 1890 по 1899 год; число 99—ухудшение на один процент.

Бюро даетъ следующие цифры (см. табл. на стр. 87):

Прежде всего эта таблица показывает нам, как обстоит дело с улучшением положения пролетариата, о котором говорят реформисты. Последние 17 лет [1]) были необыкновенно благоприятны для рабочего класса; это были для Америки годы бурного промышленного развития, которые, может быть, никогда более не повторятся. И нигде рабочий класс не пользуется такой свободой, как в Америке, нигде рабочие не выступают такими реальными политиками, свободными от всякой революционной идеологии, которая могла бы отвратить их от мелкой работы по улучшению своего положения. И все-таки в 1907 году, в год промышленного под'ема, когда денежная заработная плата в среднем поднялась на 4 процента против предыдущего года, реальная заработная плата была только весьма незначительно выше, чем в 1890 году, когда промышленные дела шли совсем не блестяще. Конечно, безработица и неуверенность в существовании создают резкое различие между кризисом и расцветом промышленности, но покупательная сила недельной заработной платы вполне занятого рабочего мало изменилась с 1890 г. по 1907 год.

[1]) Не надо забывать, что брошюра была написана в 1908—9 гг.
Прим. перев.

Годы.	Недельная зараб. плата вполне занятого рабочего.	Цены в розник. торговле средств существования, употребляемых рабочими.	Покупательная сила недельной заработной платы.
1890	101,0	102,4	98,6
1891	100,8	103,8	97,1
1892	100,3	101,9	99,4
1893	101,2	104,4	96,9
1894	97,7	99,7	98,0
1895	98,4	97,8	100,6
1896	99,5	99,5	104,2
1897	99,2	96,3	103,0
1898	99,9	98,7	101,2
1899	101,2	99,5	101,7
1900	104,1	101,1	103,0
1901	105,9	105,2	100,7
1902	109,2	110,9	98,5
1903	112,3	110,3	101,8
1904	112,2	111,7	100,4
1905	114,0	112,4	101,4
1906	118,5	115,7	102,4
1907	122,4	120,6	101,5

Денежная плата, конечно, значительно возросла. Во время депрессии с 1890 по 1894 г. она упала с 101,0 до 97,7, т.-е. более чем на 3 процента, чтобы затем подняться к 1907 году до 122,4, т.-е. почти на 25 процентов.

Напротив того, цены средств существования с 1890 г. по 1896 год падали еще быстрее, чем денежная плата—со 102,4 до 95,3, т.-е. почти на 7 процентов, так что покупательная сила недельной платы упала не в такой степени, как денежный доход. Реальная плата с 1890 г. по 1894 г. упала с 98,6 до 98, т.-е. только на 0,6 процента, в то время как денежная плата за то же время уменьшилась на 3 процента. С 1894 по 1896 г. денежная плата растет с 97,7 до 99,5, а цены средств существования за то же время продолжают падать. Таким образом рабочий в 1896 году доводит покупательную силу своей денежной платы до 104,2.

Но с тех пор его реальная плата не достигает более этой величины. Несмотря на расцвет промышленности, реальная заработная плата в течение более чем десяти лет остается ниже, чем она была тогда. И это называют медленным, но верным улучшением положения рабочего!

Точно так же достойно внимания, что в период наибольшего оживления промышленности, когда капиталисты получали крупнейшие прибыли, реальная заработная плата рабочих даже не оставалась на том же уровне, а начала понижаться. Правда, с 1906 г. по 1907 г. денежная плата возросла с 118,5 до 122,4, т.-е. почти на 4 процента, но цены средств существования поднялись в то же время со 115,7 до 120,6, т.-е. почти на 5 процентов, так что покупательная сила недельной заработной платы даже упала на один процент. Но в действительности положение еще хуже. Американские статистики совсем не склонны рисовать слишком мрачными красками существующее положение вещей.

Это заставляет предвидеть, что и после окончания кризиса, когда начнется период процветания промышленности, пролетариат не может надеяться на повторение таких же блестящих условий профессиональной борьбы, какие существовали еще так недавно.

Но мы не хотим этим сказать, что профессиональные

союзы стали при таких условиях бесполезными или безвредными. Они попрежнему остаются самыми крупными массовыми организациями пролетариата, без которых он обречен на полное обнищание. Изменение ситуации не уменьшает их значения, но требует иных методов борьбы. Там, где они имеют против себя крупные организации предпринимателей, они ничего не могут сделать с ними путем прямой борьбы, но их борьба против таких организаций становится еще более могучей, она потрясает все общество и все государство и оказывает влияние на правительства и на парламенты, если предприниматели не идут на уступки.

Стачки в тех отраслях промышленности, в которых союзы предпринимателей приобрели полное господство, и которые имеют большое значение для всей хозяйственной жизни, все более приобретают политический характер. С другой стороны все чаще складываются условия, при которых в чисто политической борьбе, например, в борьбе за избирательное право, оружие массовой стачки становится победоносным.

Таким образом профессиональные союзы все чаще берут на себя политические задачи; в Англии, как и во Франции, в Германии, как и в Австрии, они все более вторгаются в область политики. В этом заключается здоровое зерно синдикализма романских стран, но, к сожалению, вследствие анархического синдикализма это зерно глохнет среди плевел антипарламентаризма. «Прямое действие» профессиональных союзов может служить только дополнением и усилением, но не заменой парламентской деятельности рабочей партии.

Центр тяжести пролетарской борьбы еще более, чем за последние двадцать лет, передвигается теперь в область политики. Вначале внимание пролетариата обращается, конечно, в сторону социальных реформ и рабочего законодательства. Но здесь он наталкивается на всеобщий застой, который при данном соотношении сил и при существующем государственном строе нельзя преодолеть.

Под застоем надо понимать не полную остановку, которая невозможна в таком быстро меняющемся обществе, как современное, а только такой замедленный темп прогресса,

который превращается в полную остановку или даже в полное движение, если сравнить его темп с экономическими переворотами или с ростом эксплоатации. И это необыкновенно медленное движение вперед приходится все более подготовлять и вынуждать сильной профессиональной борьбой, тяжести и жертвы которой быстро растут и все более начинают перевешивать окончательные положительные результаты ее.

При этом не надо также забывать, что наш «реформистский» способ борьбы не только укрепляет силы пролетариата, но и все более возбуждает наших противников к возрастающему энергичному сопротивлению. Чем более борьба за социальные реформы превращается в политическую борьбу, тем более и союзы предпринимателей думают о том, чтобы восстановить против рабочих и рабочих организаций парламенты и правительства и урезать политические права пролетариата.

Таким образом в политической жизни снова выступает на первый план борьба за политические права, а вопросы о формах правления и об основах государственной жизни становятся главнейшими вопросами.

Противники пролетариата все более стараются ограничить его политические права. В Германии после каждой крупной избирательной победы пролетариата усиливаются угрозы заменить всеобщее и равное избирательное право плюральным избирательным правом [1]). Во Франции и в Швейцарии военщина неистовствует над стачечниками; в Англии и в Америке суды ограничивают свободу действий пролетариата, против которого не хватает мужества открыто выступить ни у парламента, ни у конгресса.

Но пролетариат не должен довольствоваться тем, что он, по возможности, отражает подобные попытки заткнуть ему рот. Его положение будет делаться все более угрожаемым, если ему не удастся положить новые основы государственной жизни, которые позволят ему навсегда подчинить государственный аппарат его классовым интересам. Если мы

[1]) Плюральным избирательным правом называется такое право, когда некоторые привилегированные избиратели имеют не один, а два, три или даже четыре голоса. Эти дополнительные голоса достаются, конечно, на долю буржуазии и элементов, к ней примыкающих. *Прим. перев.*

не будем говорить о России, то более всего это необходимо ему в Германии. Всеобщее избирательное право при выборах в рейхстаг становится все более невыгодным для городского пролетариата. Разделение страны на избирательные округа осталось то же, что и в 1871 году. Но мы уже видели, как изменилось с тех пор отношение между городом и деревней. Если в 1871 году это отношение было еще таково, что две трети населения жили в деревне, а одна треть в городах, то теперь это отношение перевернулось наоборот, а деление страны на избирательные округа осталось все то же. Оно все более дает преимущества деревне за счет городов. При последних выборах в рейхстаг [1]) социал-демократия собрала 29 процентов всех поданных голосов, а получила только 10,8 депутатских мест; напротив того, центр собрал только 19,4 процента всех голосов и 26,4 процента депутатских мест, а консерваторы—9,4 процента голосов и 15,7 процентов депутатских мандатов.

Обе последние партии вместе не получили того числа голосов, какое имела одна социал-демократия, но зато они имеют 42,1 процента депутатских мест, т.-е. в четыре раза более, чем социал-демократы. При пропорциональном представительстве социал-демократия получила бы в 1907 году 116 мандатов вместо 43, а консерваторы и центр вместе 115 мандатов вместо 164.

Дальнейшее существование современного деления страны на избирательные округа означает то же, что плюральное избирательное право для отсталых слоев населения; неравенство избирательного права растет из года в год в той же мере, в какой увеличивается городской пролетариат.

К тому же существующий способ подачи голосов ставит пролетариат деревень и мелких городов в политическую зависимость от господствующих классов почти в такой же мере, в какой он находится в области экономической, так как употребляемые теперь конверты охраняют тайну голосования еще меньше, чем при ранее существовавшей системе.

Но, конечно, одно устранение этих недостатков делу не поможет. Что может дать нам увеличение нашего влияния

[1]) Каутский имеет в виду выборы 1907 г. *Прим. перев.*

и нашей силы в рейхстаге, если сам рейхстаг не имеет ни силы, ни влияния. Эта сила должна еще быть им завоевана; должен быть введен действительно парламентарный режим; имперское правительство должно стать комитетом рейхстага.

Но рейхстаг страдает не только потому, что имперское правительство независимо от него. Не менее страдает он и от того, что Германия не есть еще действительно единое государство. Компетенция рейхстага крайне ограничена; на каждом шагу он наталкивается на самостоятельность отдельных государств, на их правительства и ландтаги с их ограниченным партикуляризмом. С мелкими государствами, конечно, легко было бы справиться, но на пути рейхстага стоит крупная сила—Пруссия с ее трехклассным избирательным законом. Прусский партикуляризм должен быть разбит прежде всего; прусский ландтаг должен перестать быть убежищем всякой реакции. Завоевание равного избирательного права с тайным голосованием для северо-германских ландтагов, и прежде всего для Пруссии, а на ряду с этим преобразование рейхстага в действительно правящую силу относится к числу настоятельнейших политических задач современности. Но если бы и удалось превратить таким путем Германию в демократическое государство, то этого было бы еще недостаточно, чтобы расчистить путь для пролетариата. Пусть немецкий пролетариат, который в настоящее время образует уже большинство населения, возьмет в свои руки кормило правления: это мало поможет ему, если государство не располагает достаточно крупными средствами, необходимыми для осуществления социальных реформ.

Но в настоящее время все средства государства поглощаются милитаризмом и маринизмом. Постоянный рост расходов на армию и флот служит причиной того, что современное государство не выполняет даже таких культурных задач, разрешения которых настоятельнейшим образом требуют интересы не только пролетариата, но и всего населения, как, напр., реформ народного образования, улучшения путей сообщения—дорог и каналов—и т. п. реформ, которые очень сильно подняли бы производительность страны и ее способность к конкуренции, а потому требуются даже с точки зрения чисто капиталистических интересов.

Но на подобные предприятия денег не хватает, так как армия и флот поглощают все средства и будут поглощать их все более, пока существует современный строй.

Необходимо уничтожение постоянной армии и разоружение для того, чтобы государство могло осуществить крупные социальные реформы. Даже буржуазные элементы общества все более признают это, но они неспособны провести такое требование. Болтовня о мире на манер Зутнер не подвигает их ни на шаг по этому пути.

Современные вооружения есть прежде всего следствие колониальной политики и империализма; бесполезно вести пропаганду мира, пока политика эта продолжает существовать. Кто хочет колониальной политики, тот должен также хотеть роста милитаризма и маринизма, ибо было бы нелепостью ставить себе известную цель и отрицать средства к ее достижению. Над этим должны подумать те из наших друзей, которые мечтают о мире всего мира и о разоружении, присутствуют на всевозможных буржуазных мирных конгрессах и в то же время признают необходимость колониальной политики, конечно, этической, социалистической колониальной политики. Они походят на тех прусских прогрессистов шестидесятых годов прошлого столетия, которые, как буржуазные политики, боялись революции и стремились к объединению Германии не путем революции, а через посредство победоносной монархии Гогенцоллернов, и которые в то же время, как демократические политики, старались ограничить милитаризм и отказывали Гогенцоллернам в военных средствах для выполнения их задач. Они разбивались о свое собственное противоречие.

Кто стремится к колониальной политике, тот должен также поддерживать и милитаризм. Кто ведет борьбу против последнего, тот должен также убеждать народ в бесполезности и вреде колониальной политики.

При существующем положении дел это есть настоятельнейшая политическая задача борющегося пролетариата, это есть та «положительная» политика, которую он должен делать. Прежде чем будет разрешена эта задача, он не может надеяться вести какую-либо широкую реформистскую по-

лютику и ввиду роста союзов предпринимателей, вздорожания средств существования, притока к промышленности новых низко стоящих рабочих слоев, всеобщего застоя в области социальных реформ и роста государственных расходов.

Реформа избирательного права для выборов в рейхстаг, завоевание всеобщего избирательного права с тайным голосованием для ландтагов Пруссии и Саксонии, завоевание для рейхстага господства над правительством и над ландтагами отдельных государств—таковы задачи, встающие специально перед немецким пролетариатом, который должен теперь вести борьбу за полную демократию и за государственное единство. Борьба же против империализма и против милитаризма составляет задачу всего международного пролетариата.

Некоторые полагают, что разрешение этих задач не подвинет нас слишком далеко. Разве Швейцария не представляет государства, в котором выполнены все указанные выше условия: самая полная демократия, система народной милиции и отсутствие какой-либо колониальной политики? А между тем и в Швейцарии социальная политика не движется вперед, а пролетариат эксплоатируется и угнетается капиталистами так же, как и в других местах.

Нужно прежде всего заметить, что Швейцария не избежала той системы усиленного вооружения, которая господствует всюду вокруг нее. Наоборот, она усиленно вооружается и тратит на это не мало денег. Часть военных расходов оплачивается кантонами; несмотря на это, расходы союзного правительства росли следующим образом:

1875 г.	39 милл. франков.
1885 „	41 „ „
1895 „	79 „ „
1905 „	117 „ „
1906 „	129 „ „
1907 „	139 „ „
1908 „	151 „ „

Специально военные расходы растут необыкновенно быстро, так же как и таможенные доходы. Они составляли:

Годы.	Расходы союзного правительства на армию.	Доходы департамента финансов и пошлин.
1895	23 милл.	4 милл.
1905	31 „	64 „
1906	35 „	62 „
1907	42 „	73 „
1908	40 „	70 „

Если отбросить доходы и расходы почт и телеграфов, которые почти покрывают друг друга (63 милл. расходов и 66 мил. доходов), то мы получим для 1908 года 81 милл. доходов, из которых 70 мил. идут от пошлин, и 88 милл. расходов, из которых 40 мил. идут на армию и 6 мил. на уплату процентов по государственному долгу.

Итак, даже в Швейцарии милитаризм поглощает львиную долю государственных доходов, и его требования быстро растут.

Кроме того, существует громадное различие между тем положением, когда какое-нибудь право получается по наследству или по дару, или когда его надо еще завоевать упорной борьбой, полной жертв.

Никто не будет так наивен, чтобы утверждать, будто мы незаметно и без борьбы можем из царства абсолютизма и милитаризма перейти в демократический строй, из стремящегося к завоеваниям империализма «врасти» в союз свободных народов. Понятие «врастания» могло возникнуть лишь в то время, когда думали, что все дальнейшее развитие будет совершаться исключительно на экономической почве, что не потребуется никаких изменений в политических соотношениях силы и в политических учреждениях. Если же становится ясным, что настоятельно необходимы подобные изменения для того, чтобы пролетариат мог итти далее по пути экономического под'ема, то этим указывается необходимость политических битв и переворотов.

Пролетариат должен сильно вырости во время этих битв. Он не может победить в этих битвах, не может достигнуть вышеуказанных целей—господства демократии и устранения милитаризма,—пока он не завоюет себе господствующего положения в государстве.

Поэтому завоевание демократического строя и устране-

ное милитаризма в современном крупном государстве должны привести к совершенно другим последствиям, чем перешедшая по наследству от прошлого система народной милиции и республиканские учреждения в Швейцарии.

И в тем большей мере, чем более эти изменения будут завоеваны силами одного только пролетариата. А у него нет надежд иметь верных товарищей в наступающих битвах. Прежде мы рассчитывали на союзников из буржуазного лагеря, а именно из мелкую буржуазию и из мелких крестьян. Мы уже видели, как Маркс и Энгельс долго надеялись, что мелко-буржуазная демократия примет участие хотя бы в начале революции, как она это сделала в 1848 г. и в 1871 г. в Париже. Когда демократические партии и демократические политики стали все решительнее отказываться от этой роли, мы, марксисты, все еще надеялись привлечь к себе крупные массы мелкой буржуазии и мелкого крестьянства и заинтересовать их в наших революционных целях. Эти ожидания нашли себе выражение в моей выше цитированной статье 1893 года; еще сильнее выражены они в Эрфуртском «Введении», написанном в 1895 году:

«Если дело будет итти так же, то к концу столетия мы завоюем большую часть средних слоев общества, большую часть мелких буржуа и мелких крестьян и станем решительной силой в стране».

Эти ожидания не исполнились, и это еще раз показывает, что мы, марксисты, тогда ошибаемся в наших ожиданиях или «пророчествах», когда мы переоцениваем революционные настроения мелкой буржуазии. Вместе с тем мы видим, насколько справедлив упрек, что мы из демократического фанатизма изгоняем такие элементы из партии. Если Энгельс в 1894 г. выступил против французской аграрной программы, а год спустя и против немецкой, то это произошло не потому, что мы считали излишним привлечение крестьян, но только оттого, что мы считали неверным предлагаемый способ их привлечения. С тех пор наши товарищи во Франции, Австрии и Швейцарии имели удовольствие попробовать этот способ привлечения крестьянства, но усилия их не увенчались успехом.

То же произошло и с мелкой буржуазией. О широких

кругах средних слоев населения можно сказать, что, каким бы способом ни велась среди них социалистическая пропаганда, в настоящее время нам привлечь их к себе труднее, чем кого-либо. Это убеждение — не результат марксистской «ортодоксальности», ибо мы видели, что марксизм грешил скорее слишком большими, а не слишком малыми надеждами в этом отношении; оно есть результат наших горьких опытов, сделанных за последние годы. Наш марксистский «фанатизм догмы» играл здесь роль лишь постольку, поскольку он помог нам признать и понять эти опыты, т.-е. выяснить их причины, что является необходимым условием ведения плодотворной «реальной политики».

Здесь мы снова видим, что поскольку наша «положительная» работа укрепляет пролетариат, тем самым обостряет его противоречия по отношению к другим классам.

Некоторые из наших товарищей ожидали, что картели и ринги [1]) капиталистов, а также и таможенная политика, от которых так сильно страдают средние слои, приведут их в наши ряды. На деле же произошло противоположное. Аграрные пошлины и союзы предпринимателей появились вместе с профессиональными союзами. Тогда ремесленники почувствовали себя стесненными сразу со всех сторон. Пошлины и союзы предпринимателей поднимали цены средств существования и сырых материалов, в то время как профессиональные союзы повышали заработную плату. Правда, это повышение заработной платы было в большей своей части подъятием только денежной, а не реальной платы, так как цены повышались сильнее, чем плата. Тем не менее, борьба за заработную плату ожесточала мелких мастеров, и они видели в союзах предпринимателей и в партиях, стоящих за повышение пошлин, своих союзников в борьбе против организованных рабочих. Эти последние, а не пошлины и картели, были в их глазах виновны не только в повышении денежной заработной платы, но и за вздорожание сырых материалов и за повышение квартирной платы, так как все это было якобы результатом повышения заработной платы.

Мелкие торговцы также почувствовали себя стес-

[1]) Картели и ринги — разные виды об'единения капиталистических предприятий. *Прим. перев.*

ными вследствие повышения цен, так как покупательная сила их клиентов—по большей части рабочих—не росла в той же мере. Они направляли свой гнев тем охотнее против рабочих, а не против таможенной политики и союзов предпринимателей, чем более рабочие для устранения дороговизны вступали на путь устранения торгового посредничества при помощи потребительных кооперативов.

Повышение цен всегда обостряет противоречие между покупателями и продавцами. Оно обострило поэтому противоречие между пролетариями, как покупателями средств потребления, и крестьянами, как продавцами их.

Не надо забывать, что рабочий играет на товарном рынке особенную роль. Всякий другой выступает там не только как покупатель, но и как продавец продуктов. Что при всеобщем повышении цен он теряет при покупке одних товаров, то он выигрывает при продаже своих товаров. Только рабочий является на мировой рынок, не как продавец, а исключительно, как покупатель продуктов. Его рабочая сила есть товар особенного вида; цена ее определяется особыми законами, так что изменения величины заработной платы не следуют немедленно вслед за изменениями цен всех других товаров. Рабочая сила не есть продукт, который можно отделить от человека. Напротив того, она неразрывно связана с его жизнью. Ее цена определяется физиологическими, исторически условиями, которые не существуют для других товаров и которые вносят в изменения денежной платы большую устойчивость, чем та, которая свойственна ценам продуктов. Только медленно следует заработная плата за их колебаниями и только до известной степени. Поэтому при повышении цен рабочий выигрывает более, чем другой покупатель продуктов, а при понижении цен он более теряет. Его точка зрения на товарном рынке стоит в противоречии с точкой зрения продавца. Хотя он и является производителем всего, он потребляет только часть им произведенного продукта, он смотрит так не всегда с точки зрения потребителя, а не производителя. Ибо продукты, которые он производит, принадлежат не ему, но его эксплоататору, капиталисту. Этот последний является на товарном рынке с продуктами труда чужого рабо-

чего как их производитель и продавец. Рабочий же выступает там только как покупатель средств существования.

Отсюда противоречие его интересов с интересами крестьянина, поскольку последний выступает против него, как продавец. Не только в вопросе об аграрных пошлинах, но и в других случаях, например, при попытках поднятия цен на молоко, рабочие самым энергичным образом выступали против крестьян.

Поскольку крестьяне имеют наемных рабочих, они не менее раздражены повышением заработной платы и улучшением положения рабочих в промышленности. Время промышленного процветания, укрепления профессиональных союзов и их побед было также временем недостатка рабочих в сельском хозяйстве. Не только сельскохозяйственные рабочие и служанки, но и дети самих крестьян втягивались все сильнее в промышленность, убегая от варварства условий работы в сельском хозяйстве. Виновник же в происходившем отсюда недостатке рабочих сил в деревне оказались, конечно, проклятые «соци».

Таким путем произошло то, что те слои населения, которые прежде образовывали ядро мелко-буржуазной демократии и были энергичными деятелями революции, а вместе с тем, хотя и робкими, но все же союзниками революционного пролетариата, теперь повсюду превратились в его злейших врагов. Такой переворот меньше всего коснулся Германии, сильнее сказался он во Франции, в Австрии и в Швейцарии.

В крупных государствах враждебность средних слоев к пролетариату еще более увеличивается противоречивостью их отношений к империализму и колониальной политике. Кто не стоит на почве социализма, кто отвергает социализм, тому, если он не хочет впасть в отчаяние, не остается ничего другого, как вера в колониальную политику. Колониальная политика остается единственной надеждой, которую капитализм может еще внушить своим защитникам. Но с колониальной политикой неизбежно связано признание милитаризма и карательных. Те из средних слоев, которые не стоят на точке зрения интересов ремесла, посреднической торговли и производства средств существования,—интеллигенты—

поскольку они не перешли к социализму, отталкиваются от пролетариата и от его борцов тем, что пролетариат отвергает империализм и милитаризм. Все эти господа Брентано, Науман и другие, которые так благосклонно относятся к профессиональным и к кооперативным организациям пролетариата, а также и к его демократическим стремлениям, вместе с тем являются пламенными поклонниками флота и мировой политики и выступают друзьями социал-демократии только до тех пор, пока не заходит речь об империализме и о его орудиях.

Итак, повидимому, пролетариат становится изолированным, а его действия обрекаются на неудачу как раз в такой момент, когда он более, чем когда-либо, вынуждается на политическое выступление.

Но тем не менее именно политика империализма может стать исходной точкой начала крушения господствующего строя.

9. Новая эпоха революций.

Мы видели, как быстро растут в Швейцарии расходы на милитаризм; но это—лишь слабое отражение того, что затрачивают на него большие военные державы. Обратимся к Германии. Там израсходовано (согласно Статистическому Ежегоднику для Германской империи) в миллионах марок на (см. табл. на стр. 101):

Мы видим, как непрерывно и в каком ускоренном темпе растут расходы; в первое десятилетие существования империи за 21 миллион, а в последнее—на 88 мил. в год. За несколько последних лет ежегодное возрастание достигало даже сотни миллионов (1905 г.—2195; 1906 г.—2392; 1907 г.—2810; 1908 г.—2791; в 1909 г.—2850 миллионов).

Это возрастание падает главным образом на расходы по вооружению, и притом на флот больше, чем на сухопутную армию. При увеличении населения империи с 1891 по 1909 год с 50 до 65 миллионов, т.-е. на одну четверть, расходы на сухопутную армию возросли за это время вдвое, на пенсионный фонд и на проценты по государственному долгу почти—втрое, а по флоту—почти вчетверо. И это бешеное возрастание не остановится до тех пор, пока не будет

	1873	1880/81	1891/92	1900	1909
Сухопутную армию . .	308	370	488	666	814
Флот	26	60	85	182	499
Управление колониями .	—	—	—	21	32
Пенсионный фонд . . .	21	18	41	68	116
% государст. долга . . .	—	9	54	78	171
Итого . . .	355	457	668	985	1541
Ежегодн. увелич. расход.		12	21	35	62
Общий государственный расход	404	550	1118	2066 или 1640 *)	2859
Ежегодное увеличение .		21	52	58	88

коренным образом изменен существующий режим. Непрерывное развитие техники, вносимое в производство капиталистическим машинизмом и применением естественно-научных знаний, овладевает и военной областью, создает и в ней постоянную конкуренцию новых изобретений, обесценение существующих, непрерывный рост вооружений. Но, в противоположность тому, что происходит в промышленности, это ведет не к увеличению продуктивности труда, а лишь к росту опустошений во время войны и к постоянному росту непроизводительных трат во время мира.

Но каждое крупное государство вынуждено усиливать свое вооружение не только вследствие переворотов в технике, но и благодаря «мировой политике», влекущей за собою постоянное расширение области его господства или по меньшей мере влияния. Пока существует «мировая политика», это безумное соревнование будет возрастать до полного истощения средств;

*) С 1900 г. в рубрике расходов появляются расходы на почту, железные пути сообщения и государственные типографии, до тех пор не проявлявшиеся. Они составили в 1909 г. 416 млн.

я между тем империализм, как мы видели, есть единствен-
ная надежда, единственная идея, мерцающая в будущем перед
взорами существующего общества. Вне ее только один
исход — социализм. И это безумие будет расти до тех пор,
пока пролетариат не завоюет себе власть направлять поли-
тику государства, не преодолеет политики империализма, за-
менив ее социализмом. Чем более длится соревнование в во-
оружениях, тем тяжелее бремя, налагаемое им на каждый
народ, тем упорнее старается каждый класс переложить это
бремя на другие классы, тем сильнее обостряет это соревно-
вание классовые противоречия.

В Германской империи наибольшее бремя взваливается, разумеется, на рабочих. Оно было уже достаточно тяжело даже в период промышленного расцвета, ввиду высоких цен на продукты потребления, развития профессиональных союзов. Оно становится невыносимо в период кризиса, дороговизны и господства союзов предпринимателей.

Но рост налогового бремени не только уменьшает доход рабочего, покупную силу его заработка—он угрожает также тому самому развитию промышленности, которому должна якобы способствовать мировая политика.

Наиболее опасным соперником для немецкой промышленности являются Соединенные Штаты, на стороне которых огромный перевес, благодаря отсутствию у них немецкой покровительственной системы. В Америке, правда, еще более высокие покровительственные пошлины, но только в промышленности, а не в земледелии. Она располагает наиболее дешевыми продуктами потребления и сама производит почти все сырье. Кроме того, она пользуется еще тем преимуществом, что у нее нет соседей с сильными сухопутными армиями. Ей не приходится ежегодно отрывать от производства полмиллиона людей для военщины.

Чем больше усиливается милитаризм в Европе, тем больше возрастает превосходство Соединенных Штатов в области промышленности, и тем более замедляется экономический прогресс в Европе. Тем неблагоприятнее становится экономическое положение европейских рабочих, и как бы для того, чтобы ускорить этот процесс, на них возлагаются самые тяжелые жертвы.

Правда, Соединенные Штаты также вступили на путь империализма, а следовательно, усиленного вооружения. Со времени войны с Испанией растут и их расходы на армию и флот. Однако это кредит им меньше, чем европейским великим державам, так как Соединенным Штатам не приходится содержать у себя большую постоянную армию. На всей территории Соединенных Штатов имеются всего 70.000 солдат. Как в области промышленности, так и в области вооружения Соединенные Штаты могут дольше выдержать конкуренцию, не рискуя дойти до полного истощения.

В Соединенных Штатах было:

Год.	Народонаселение в миллионах.	Государств. долг в миллионах долларов.	Расходы на сухопут. армию в миллионах.	Расходы на флот в миллионах.	Стоимость вывоза.		
					Предметы продовольствия	Сырье.	Продукты обработки промышленности.
					В процентах к общему экспорту.		
1880	50	1.724	38	14	56	29	15
1890	63	725	45	22	42	36	21
1900	76	1.023	133	56	40	24	35
1907	86	894	125	98	28	32	40
1908	87	897	140	119	28	30	42

Как видно из этой таблицы, государственный долг Соединенных Штатов не увеличивается. До 1890 г. он сильно уменьшился. С того времени он, правда, возрос, равно как и расходы на армию вследствие войны с Испанией. Но с тех пор вплоть до 1907 г. он снова уменьшался, несмотря на то, что возрастали расходы на армию и флот.

Таблица же экспорта указывает, как быстро растет в Америке вывоз продуктов обрабатывающей промышленности, как она выступает на мировой рынок все более и более в качестве промышленной, а не аграрной страны.

В Германии из общей цифры вывоза в 7000 миллионов марок в 1907 году пришлось на продукты обрабатывающей

промышленности 4300 миллионов (62 процента). В Соединенных Штатах из общей цифры вывоза туземных продуктов в 8000 миллионов марок (1,835 миллионов долларов) на долю продуктов обрабатывающей промышленности пришлось всего 3000 миллионов марок (750 миллионов долларов). В 1890 году цифра германского вывоза продуктов обрабатывающей промышленности достигла 2147 миллионов марок, а американского—лишь 800 миллионов марок круглым числом (178 миллионов долларов). Итак, первый увеличился в течение одного и того времени на 150%, а второй на 300%.

Как видно, Соединенные Штаты уже значительно нагнали нас в области промышленности.

Положение таково: в то время как Соединенные Штаты с 1900 до 1908 годы уменьшили свой государственный долг на 130 миллионов долларов (полмиллиарда марок), Германия увеличила его за тот же промежуток времени на 1½ миллиарда. А с тех пор были введены в ней новые расходы и новые налоги на полмиллиарда марок, а Молох милитаризма все еще не удовлетворен.

Если же бремя упадет всего тяжелее на рабочий класс, то оно будет давить также и на промышленность, затрудняя конкуренцию; это снова отразится на рабочих. На их плечи взваливается эта борьба. Между тем, обременение рабочих не может идти дальше известного предела; таким образом, вооружение в конце концов мешает даже и прогрессу промышленности.

Вместе с тем вооружение все сильнее обостряет национальные противоречия и [illegible]

быстротой, пока, наконец, не приходят к тому заключению, что лучше конец, полный ужаса, чем ужас без конца.

Эта ситуация уже давно привела бы к войне, как к единственному помимо революции выходу из этого безумного взаимного взвинчивания государственных затрат, если бы революция не была еще более неизбежным следствием войны, чем вооруженного мира. Возрастающая сила пролетариата, которая за три последних десятилетия мешала возникновению европейской войны, заставляет и теперь каждое правительство отступать перед этим шагом. Но власти ведут дело к такому положению вещей, при котором ружья начнут стрелять сами собой.

В том же направлении действует и другой фактор, еще более, чем вооружение, призванный довести мировую политику до абсурда и отнять у капиталистического производства последнюю возможность дальнейшего развития.

Колониальная политика или империализм основывается на предположении, что одни лишь европейские народы способны к самостоятельному развитию. Люди других рас считаются детьми, идиотами или вьючным скотом, смотря по тому, обращаются ли с ними с большей или с меньшей мягкостью. Они считаются во всяком случае низшими существами, которыми можно управлять по произволу. Даже социалисты исходили из этого взгляда, как только они хотят вести колониальную—разумеется, этическую—политику. Однако, действительность вскоре научает их тому, что основное положение нашей партии о равенстве всех людей—не одни слова, а вполне реальная сила.

Правда, народы, находившиеся вне европейской цивилизации, были в течение последних столетий почти беззащитны, неспособны к длительному сопротивлению; но причина этого не в том, что они являются низшими по природе, как думает [illegible] обскурантизм европейской буржуазии, нашедший у нас и ученых фантазеров расовой теории. Эти народы просто были подавлены превосходством европейской техники, а также и европейского гения, превосходство которого, в конце концов, опирается также на технику. Вне-европейские народы,—за исключением, может быть, немногих совершенно отсталых племен [illegible]—вполне способны

воспринять дух европейской цивилизации; им недоставало до сих пор лишь необходимых для этого материальных условий.

Распространение капитализма долгое время лишь очень немного изменяло это положение вещей. Капиталистические экспортеры в местности, лежавшие вне сферы европейской цивилизации (куда теперь относятся, конечно, Америка и Австралия), привозили сперва только продукты капиталистической промышленности, а не само капиталистическое производство. При этом они ограничивали сферу своей деятельности главным образом водяными путями, местностями вдоль берегов морей и некоторых больших рек. Но за последнее поколение, и особенно за последние двадцать лет, произошел крутой поворот: помимо начала новой эры в заморской завоевательной политике, эти годы отмечены тем, что к вывозу продуктов производства из промышленных государств и варварские страны присоединился также и вывоз средств передвижения и орудий производства современной промышленности.

Мы видели выше, какие быстрые успехи сделало за последнее время развитие путей сообщения на Востоке (включая сюда и Россию). Так же быстро развилась там и капиталистическая промышленность—текстильная, добывание железа, горное дело. Это последнее произвело полный переворот также и в Южной Африке.

На этом вывозе орудий производства основывался новый расцвет капиталистической промышленности во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия. В первой половине восьмидесятых годов рост промышленности, казалось, прекратился; неожиданный, блестящий под'ем экспорта связан с началом вывоза орудий производства. Это стало возможным благодаря тому, что в странах вне-европейской цивилизации было положено начало крупной капиталистической промышленности и быстро уничтожены отжившие хозяйственные отношения. Это, в свою очередь, сделало невозможным сохранение на Востоке старых понятий. Вместе с европейской промышленностью у варварских до тех пор народов развитие духа внезапно подвинулось до европейской высоты. Но не любовью к Европе вело там. Новые страны

стали конкурентами старых, а конкуренты всегда враги. Возникновение европейского духа в странах Востока сделало эти последние не друзьями, а лишь равноправными врагами Европы. Это обнаружилось не сразу. Мы видели выше, какую роль играет в общественной жизни сознание силы, и как долго поднимающийся класс или народ может оставаться в подчиненном положении, хотя он уже обладает силой—правда, еще не сознанной. То же проявилось и здесь. Народы Востока бывали так часто побеждаемы европейцами, что считали всякое сопротивление последним бесполезным. Европейцы держались того же взгляда. На этом основывалась их колониальная политика, при которой они распоряжались другими народами, торговали ими и обменивались ими, как скотиной.

Но стоило японцам разбить лед, как это немедленно отразилось на всем Востоке. Вся восточная Азия, как и весь магометанский мир, поднялись для самостоятельной политики, для противодействия всякому господству извне.

Этим останавливается развитие империализма. Он уже не может двинуться с места. А между тем необходимо развивать его все далее по мере того, как капитализм развивается и должен развиваться все далее.

Единственной областью для расширения колониальной политики остается теперь экваториальная Африка, где лучшим союзником туземцев является климат, где неприменимы европейские войска, где европейцы должны вербовать местных уроженцев, вооружать и обучать их, подготовляя тот момент, когда эти наемные войска обратятся против своих же начальников.

В Азии и в Африке всюду распространяется дух возмущения, но распространяется также и употребление европейского оружия, и растет сопротивление европейской эксплоатации. Нельзя насаждать в стране капиталистическую эксплоатацию, не сея там в то же время семян восстания против этой эксплоатации.

Сперва это проявляется в постоянном усилении гнета колониальной политики, в росте затрат на нее. Наши колониальные мечтатели утешают нас тем, что бремя, налагаемое на нас теперь колониями, даст нам в будущем богатые ба-

рыши. В действительности военные издержки, которые требуются для того, чтобы удерживать за собою колонии, будут отныне непрерывно расти. Но этим дело не ограничится. Большинство стран Азии и Африки идут к положению, когда кратковременные возмущения превратятся в открытые и длительные и приведут, наконец, к избавлению от чужеземного ига. Всего ближе к этому—британские владения в Ост-Индии; их потеря была бы для Англии равносильна банкротству Британской империи.

Мы уже заметили, что со времени русско-японской войны восточная Азия и весь магометанский мир поднялись для отражения европейского капитализма. В этом случае они борются с тем же врагом, как и европейский пролетариат. Мы, конечно, не должны забывать, что, борясь с тем же врагом, они борются за совершенно иные цели. Они восстают не для того, чтобы вести пролетариат к победе над капиталом, а для того, чтобы внешнему капитализму противопоставить внутренний, национальный. Мы не должны создавать себе по этому поводу никаких иллюзий. Точно так же, как буры являются настоящими живодерами, а японские правители—злейшими преследователями социалистов, так и младотурки уже почувствовали себя обязанными выступить против бастующих рабочих. Итак, к противникам европейского капитализма вне Европы мы должны относиться не без критики.

Но это нисколько не изменяет того факта, что они ослабляют европейский капитализм и его правительства и вносят в мир элемент политического беспокойства.

Мы видели, как в Европе с 1789 по 1871 год длилось это состояние беспокойства до тех пор, пока промышленная буржуазия повсюду не завоевала себе политических условий, делавших возможным ее быстрое развитие. Подобный же период постоянного политического брожения наступил со времени русско-японской войны 1905 года для Востока. Народы восточной Азии и магометанского мира, а также и России вступают теперь в состояние, во многом сходное с состоянием западно-европейской буржуазии в конце XVIII и в начале XIX века. Конечно, отношения не вполне те же. Они изменились уже вследствие того, что мир стал с тех пор старше на сто лет. Политическое развитие страны зависит не только

от ее собственных общественных отношений, но и от отношений в остальном, окружающем ее мире, который на нее влияет. Различные классы в России, в Японии, в Индии, в Китае, в Турции, в Египте и т. д. могут находиться один к другому в отношениях, подобных отношениям классов во Франции до Великой революции. Но на них влияет опыт классовых битв, которые с тех пор пережили Англия, Франция и Германия. С другой стороны, их борьба за благоприятные условия национального капиталистического производства является в то же время борьбой против иностранного капитала и его господства,—борьбой, которую не пришлось вести народам Западной Европы в революционный период 1789—1871 гг.

Хотя эти различия действуют так, что в настоящее время на Востоке не попросту повторятся явления, которые пережил Запад столетием раньше, но сходство ситуаций достаточно велико, чтобы для Востока наступил подобного рода революционный период,—период заговоров, государственных переворотов, восстаний, реакций, вновь поднимающихся восстаний, постоянных переворотов, которые будут длиться до тех пор, пока Восток не добьется условий спокойного развития и национальной независимости, никем не угрожаемой.

Благодаря мировой политике, Восток (употребляя это понятие в самом широком смысле), однако, так тесно связан с Западом экономически и политически, что политическое беспокойство Востока вызовет таковое же и на Западе. С таким трудом достигнутое политическое равновесие держав начинает расшатываться, благодаря неожиданным изменениям, на которые эти державы не имеют никакого влияния; проблемы, мирное разрешение которых казалось невозможным и которые поэтому откладывались в дальний ящик, как, например, отношение к Балканским государствам,—эти проблемы внезапно становятся на очередь и требуют своего разрешения. Смятение, недоверие, всюду неуверенность и вызванная усиленным вооружением напряженная нервность достигают высшего предела. Всемирная война надвигается угрожающе близко, но война, как показал опыт последних десятилетий, означает и революцию. Еще в 1891 году Энгельс думал, что для нас было бы большим несчастьем, если б вспыхнула война, которая повлекла бы за собой революцию и поставила бы нас у кор-

мая правления, ибо это было бы преждевременно. Некоторое время пролетариат мог бы еще путем использования данной государственной основы надежнее продвинуться вперед, чем при риске революции, вызванной войной.

С тех пор ситуация сильно изменилась. Пролетариат в настоящее время так окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающейся войны. О преждевременной революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть, и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего под'ема.

Пролетариат всеми силами ненавидит войну, он приложит все усилия, чтобы не дать подняться военному настроению. Если, однако, война, несмотря на это, вспыхнет, то пролетариат в настоящее время является тем классом, который с наибольшими надеждами может ожидать ее исхода.

С 1891 года пролетариат не только значительно вырос в численности, не только укрепился организационно — он выиграл необыкновенно много в смысле морального превосходства. Два десятилетия тому назад в Германии социал-демократия приходилось еще считаться с великим престижем, который повелители империи завоевали в борьбе за ее основание. Теперь от этого престижа ничего не осталось.

С другой стороны, чем больше сказывается банкротство идеи империализма, тем более социал-демократия становится той единственной партией, которая еще борется за великую идею и великую цель и может вызвать к жизни всю направленную к этой цели энергию и преданность.

Напротив того, в рядах противников, благодаря сознанию, что в их среде господствуют испорченность и бездарность, сеются малодушие и апатия. Они не верят больше в свое дело и в своих вождей, которые как раз теперь, когда затруднительность положения становится изо дня в день все значительнее, все более обнаруживают и должны обнаруживать свое бессилие и свое полное ничтожество.

И это не случайность и не вина отдельных личностей, это вытекает из положения вещей.

Здесь имеют место разные причины. Если класс или государство переходит из стадии революционной в стадию консервативную, если ему не приходится бороться за свое существование или за свое восхождение, если ему приходится удовлетворяться настоящим и искать при этом лишь незначительных улучшений, то это должно сужать умственный горизонт его вождей и горячих. Их интерес к крупным вопросам угасает, и храбрость их не возбуждается больше; напротив того, смелые мыслители и борцы признаются неудобными и отодвигаются на задний план. На передний план выступают мелочное интриганство и малодушное безволие.

В таком же направлении действует тот факт, что у государственных деятелей и идеологов класса и государства, которым не приходится больше бороться за великие дела — что у этих людей бескорыстный интерес к общим задачам класса и общества вытесняется интересом к своей собственной личности. Стремящиеся к власти личности не воодушевляются больше побуждением творить великое и новое для общего дела; они воодушевляются только стремлением к стяжанию богатства и власти. Эти их стремления находят свое завершение в стремлении власть имущих привлекать не те силы, которые были бы более всего способны служить общему делу, но те, которые умеют наиболее гибким или занимательным образом приспособиться к личным нуждам или наклонностям власть имущих.

К этим общим причинам моральной и интеллектуальной деградации всего имущего теперь присоединяются еще особые причины, которые возникают из своеобразия капиталистического строя.

Прежде эксплоатирующие классы были и классами правящими. По крайней мере верхи государственного аппарата они сохраняли для себя. Но класс капиталистов настолько занят своими делами, что он предоставляет политику другим, которые, конечно, представляют собой не что иное, как его приказчиков; в демократических странах это — деловые политики, парламентарии и журналисты, в абсолютистских странах это — придворные, а в странах промежуточного типа — пестрая смесь этих элементов, при чем преобладают те или другие из них.

Пока капиталистическая эксплоатация невелика, лозунг капитала — «копи». И капитал старается внушить этот лозунг

государственному управлению. Мелкая буржуазия волей-неволей остается верной этому лозунгу; крупный капитал, напротив того, по мере роста степени эксплоатации, практикуемой им, развивает стремление к блеску и расточительности, которые в конце-концов приобретают такой же бешеный темп, как состязание в вооружении, и принимают в конце-концов такие же безумные формы.

Прежде господа, стоявшие во главе государства, в богатстве и роскоши оставляли за собой всех подданных. Теперь политики и государственные мужи до самых высоких рангов все более уступают в этом отношении заправилам банков (haute finance). Увеличение за счет казенного сундука регулярных доходов государственных мужей затруднительно, и именно в парламентарных странах, где приходится считаться с избирателями и плательщиками податей, которые кричат о бережливости. Это тем труднее, чем более вооружение поглощает весь прирост государственных доходов.

Если политики и государственные мужи хотят не отставать от роскошного образа жизни крупных эксплоататоров, то им остается только рядом с законными источниками прибегать к незаконным, путем использования и проституирования своего влияния на государственные дела. Они используют знание государственных тайн и свое влияние на государственную политику в целях биржевой спекуляции; они эксплоатируют самым паразитическим образом гостеприимство крупных эксплоататоров; они предоставляют этим эксплоататорам уплачивать за себя долги и, наконец, в худших случаях попросту принимают взятки, продавая этим свою политическую власть.

Это зло встречается всюду, во всех капиталистических государствах, с крупными эксплоататорами. Оно постоянно захватывает прежде всего органы, политически наиболее влиятельные: в демократических государствах—парламентариев и журналистов, в абсолютистских — придворных. Это зло воспитывает всюду глубочайшую испорченность, которая тем быстрее раз'едает окружающее, чем сильнее растут капиталистическая эксплоатация и расточительность, а вместе с ними и потребности политиков и государственных мужей,

чем больше становятся сила и хозяйственные функции государственной власти.

Но не следует думать, что причастные к коррупции это всегда сознают, или что все политики и государственные мужи подкуплены господствующими классами. Это было бы преувеличением. Но соблазн коррупцией все более увеличивается в этих кругах; требуется все большая сила характера, чтобы не обольститься ею; этому соблазну поддаются тем легче, чем более подготовлена атмосфера подкупов, чем более развита и замаскирована его практика,—практика, которая даже не дает чувствовать лицу, охваченному коррупцией, его собственное падение.

Итак, мы видим, что по мере того, как проблемы политики все более усложняются, когда они пред'являют государственным деятелям все большие требования в знаниях, в добросовестности, в дальновидности и в решительности,—среди господствующих классов в той же мере вместо научной серьезности все более выступает пустая болтовня, вместо добросовестности—легкомыслие; место неуклонности преследования отдаленной цели заступают личные стремления и ограниченное интриганство; на место спокойной и решительной твердости становится неудержимое шатание между вызывающей грубостью и трусливым отступлением. И в то же время развиваются глубокопроникающая алчность и коррупция, которые сказываются в одном месте в панамском скандале, в другом месте в союзе правителей с мошенниками и почти всюду выражаются в плутнях поставщиков военных материалов,—господ, которые в одном случае поставляют хрупкую бронзовую сталь и негодные к употреблению пушки, а в другом случае насчитывают отечеству цены, двойные по сравнению с теми, какие они берут с за границы. Военные поставки с давних пор составляли средство обогащения многих капиталистов, но поставщики военных материалов еще никогда не стояли так близко к правительствам, как теперь; они никогда еще не имели такого сильного влияния на политику, решающую вопросы войны и мира, как в настоящее время.

И эти самые поставщики являются теперь крупнейшими промышленниками и величайшими эксплоататорами пролетариата. Они чрезвычайно заинтересованы в бесчеловечной

войне как против внутреннего, так и против внешнего врага, они же обладают величайшим влиянием на правительства, которые все чаще состоят из поверхностных людей.

Поэтому каждое государство ежеминутно должно быть готово встретить провокацию со стороны своего соседа, подвергаться нападению, которое может повлечь за собой неисчислимые бедствия. К такому же нападению со стороны господствующих классов должен быть готов и пролетариат в каждом государстве. Все это может вызвать новую ориентацию в мелкой буржуазии.

Моральное падение господствующих классов совершается, конечно, в сферах, которые недоступны народным массам. Требуется катастрофа, как, например, русско-японская война, чтобы обнаружилась вся гниль господствующей системы. В обычное время здесь прежде всего лишь там и сям, благодаря особой неловкости, подымается краешек завесы, которая все стыдливо покрывает. Сознательных пролетариев подобное разоблачение мало трогает. Они издавна стоят против господствующих классов, как враги, и не обманывают себя насчет нравственных качеств последних.

Другое дело—мелкая буржуазия. Чем больше она изменяет своему демократическому прошлому, чем больше она прячется за правительствами и ожидает от них помощи, чем больше доверия она питает к ним, чем больше ее вера в несокрушимость правительств, тем больше ее ужас, когда их моральное падение становится достоянием гласности, и когда престиж расшатывается в корне.

Одновременно с этим растет угнетение мелкой буржуазии, вызываемое крупными капиталистическими рингами и требованиями, которые государство пред'являет к ее кошельку. Это не увеличивает ее доверия к господствующим классам.

В конце-концов мелкая буржуазия должна выйти из своего убежища, если бездарность, легкомыслие и испорченность господ положения вызовут самым легкомысленным образом катастрофу—войну или государственный переворот, которые навлекут на страну наихудшие бедствия. Слепой гнев мелкой буржуазии сразу обратится к тем, кто будет править в такое время; это произойдет тем легче и будет носить тем более

жестокий характер, чем больше она от них ожидала, чем больше она преувеличивала их благоразумие и величие.

Последнее десятилетие безусловно развило в мелкой буржуазии все возрастающую ненависть к пролетариату. Этот последний должен направлять свою политику, чтоб сражаться в предстоящих битвах только своими собственными силами. Но уже Маркс указал на то, что мелкий буржуа, как нечто промежуточное между капиталистом и пролетарием, колеблется между обоими и представляет собой двойное существо. Нам не следует на него рассчитывать: в массе он всегда будет ненадежным союзником; отдельные мелкие буржуа могут быть превосходными партийными товарищами, но вражда мелкой буржуазии против нас может еще расти. Но не исключена возможность, что мелкая буржуазия в один прекрасный день, под влиянием невыносимого налогового гнета и внезапного морального банкротства стоящих у власти, в массе перейдет на нашу сторону; этим она, может быть, сметет наших противников и решит исход нашей борьбы. И мелкая буржуазия поистине не могла бы сделать более умного шага, ибо победоносный пролетариат может предложить огромное улучшение жизни всем неэксплоататорам, всем угнетенным и эксплоатируемым и всем, кто в настоящее время прозябает в качестве мелкого буржуа или мелкого крестьянина.

Как бы враждебна ни была к нам подчас мелкая буржуазия, она все же далеко не может образовать опоры существующему строю, ибо мелкая буржуазия, как и все прочие подворки современного общества, шатается и трещит по всем швам.

Прочность существующего строя все более ослабляется в сознании народа и в действительности; чувствуется, что мы вступили в период всеобщей неуверенности, что дело не может больше продолжаться так, как оно шло в продолжение последних лет, и что современное положение, которое быстро становится все менее прочным, не может больше пережить еще человеческий век.

В этой всеобщей неуверенности ближайшие задачи пролетариата поставлены ясно. Мы уже развили их. Пролетариат не может продвинуться вперед без изменения государствен-

ных основ, на почве которых он ведет свою борьбу. Самым энергичным образом стремиться к демократизации государства, а также отдельных государств, именно Пруссии и Саксонии—вот ближайшая задача пролетариата в Германии; его ближайшая международная задача—борьба против мировой политики и милитаризма.

Так же ясно, как эти задачи, стоят перед нами и те средства, которые имеются к нашим услугам для разрешения этих задач. К средствам, применявшимся до сих пор, присоединяется еще массовая забастовка, которую мы приняли теоретически уже в начале девяностых годов; с тех пор ее применимость при благоприятных обстоятельствах испытывалась неоднократно. Если массовая забастовка со времени славных дней 1905 года отступила до некоторой степени на задний план, то это только доказывает, что она действительна не при всякой ситуации, и что было бы грубо ошибочным применять ее при всех обстоятельствах.

До сих пор ситуация ясна. Но не один только пролетариат должен быть принят во внимание при предстоящей борьбе; здесь окажут влияние и другие многочисленные факторы, которых наперед совершенно невозможно учесть.

Невозможно определить наперед позицию наших государственных людей; они меняются быстро, так же быстро меняется и их настроение. О последовательной, целеосознанной политике здесь и говорить не приходится.

Не поддаются учету и мелко-буржуазные массы, которые бросают свою тяжесть то на одну, то на другую чашку весов и заставляют их постоянно колебаться.

Далее, еще менее можно учесть наперед запутанный клубок внешней политики, в которой принимает участие так много государств; неустойчивость внутренней политики каждого из них отражается во много раз сильнее в виде неустойчивости их внешней политики.

Наконец, совершенно не поддаются учету перемены в государствах Востока, где выступает так много совершенно новых факторов, которые пока совсем еще не исследованы.

Все эти факторы в настоящее время вступают в тесней-шее и непрерывное взаимодействие; они позаботятся о том, чтоб мы не выходили из полосы неожиданностей.

В этом всеобщем шатании социал-демократия удержит за собой тем больше, чем меньше она сама шатается, и чем более она остается верной самой себе. В противовес колеблющейся политике настроений, социал-демократия тем выше будет поднимать сознание силы трудящихся масс, что ее теория дает ей последовательную и верную ведущую к цели практику.

Чем больше социал-демократия среди всеобщего крушения всяких авторитетов покажет себя на деле, как непоколебимая сила, тем выше поднимется ее авторитет, и чем больше она будет упорствовать в своей непримиримой оппозиции к испорченности господствующих классов, тем жизненнее будет доверие, оказываемое ей широкими народными массами среди всеобщей гнилости, которая в настоящее время захватила уже и буржуазную демократию, оставившую свои основные принципы лишь для того, чтобы привлечь к себе благоволение правительства.

Чем более непоколебимой, последовательной и непримиримой будет социал-демократия, тем скорее она восторжествует над своими противниками.

Требовать от социал-демократии участия в коалиционной или блоковой политике именно теперь, когда понятие «реакционные массы» стало действительностью, значит требовать от нее политического самоубийства. Желать, чтобы социал-демократия связала себя блоковой политикой с буржуазными партиями именно теперь, когда они проституировали себя и компрометировали себя глубочайшим образом, желать, чтобы социал-демократия связалась с ними для поощрения этой проституции—значит требовать от социал-демократии морального самоубийства.

Заботливые друзья боятся, чтобы социал-демократия путем революции не пришла преждевременно к государственной власти. Но если возможно для нас преждевременное достижение государственной власти, то это будет приобретением призрака власти перед революцией, то-есть раньше, чем пролетариат завоевал действительную политическую власть. Пока это не удалось, социал-демократия может принять участие в государственной власти, лишь продавая свою политическую силу буржуазному правительству. Пролетариат, как класс, при этом никогда не может выиграть;

в лучшем случае могут выиграть только парламентарии, которые заключили торговую сделку.

Тот, для кого социал-демократия представляет собой средство для освобождения пролетариата, должен самым решительным образом воспротивиться подобному участию его партии в господствующей коррупции. Если есть средство, чтобы похитить у нас доверие всех честных элементов масс, навлечь на нас презрение всех способных и готовых к борьбе пролетариев и замедлить наше восхождение, то это есть участие социал-демократии в блоковой политике.

Преуспевать при этом будут лишь те элементы, для которых наша партия представляет собой не что иное, как лестницу, чтобы самому забраться повыше, т.-е. карьеристы, гоняющиеся за должностями. Чем меньше мы притягиваем таких элементов, чем больше мы их от себя отталкиваем, тем лучше для нашей борьбы.

Какой вид примет эта борьба в деталях, об этом, помимо указанного здесь, конечно, едва ли можно сказать что-либо определенное. Никогда еще предсказание форм и темпа предстоящего развития не было труднее, чем теперь, когда все принимаемые в расчет факторы, исключая пролетариат, так неопределенны и с таким трудом поддаются учету.

Безусловна только всеобщая неуверенность. Безусловно, что мы вступили в период всеобщего беспокойства, постоянных государственных сдвигов, которые—каковы бы ни были их формы и продолжительность—не в состоянии кончиться длительным покоем, прежде чем пролетариат приобретет силу, чтоб политически и экономически экспроприировать класс капиталистов и открыть этим самым новую эру мировой истории.

Продлится ли этот революционный период так же долго, как революционный период буржуазии, который начался в 1789 году и продолжался до 1871 года, этого, конечно, предсказать нельзя. Правда, в настоящее время всякое развитие идет гораздо быстрее, чем раньше, но зато и арена борьбы расширилась необыкновенно сильно. Когда Маркс и Энгельс писали свой «Коммунистический манифест», их глазам в качестве арены пролетарской революции представлялась только Западная Европа. В настоящее время поле борьбы охватывает весь мир. В настоящее время сражения освободительной борьбы трудящегося и эксплоатируемого человечества разыгрываются не только на берегах Шпрее и Сены, но и на Гудзоне и Миссисипи, на Неве и Дарданеллах, на Ганге и Гоанго.

Столь же величественной, как поле битвы, представляется и та задача, которая вырастает перед пролетариатом—общественная организация мирового хозяйства.

Но пролетариат выйдет из революционной эпохи, которая уже начинается и продлится, быть может, на протяжении человеческой жизни, иным, чем он вступил в нее.

Если его лучшая часть уже в настоящее время представляет собой наиболее сильный, наиболее дальновидный, наиболее самоотверженный и храбрый, об'единенный в величайшие свободные организации слой нашей европейской культуры, то пролетариат в борьбе и через борьбу вольет в себя самоотверженные и дальновидные элементы всех классов, он воспитает и организует в своем собственном лоне свои отставшие элементы. Он поставит свою лучшую часть во главе культуры и сделает ее способной руководить тем великими экономическими преобразованиями, которые на всем земном шаре положат, наконец, предел всяким бедствиям, возникающим из рабства, эксплоатации и невежества.

Счастлив тот, кому суждено принять участие в этой благородной борьбе и величественной победе!